

INSPIRIA

ИДЕ АЛЬ НЫЙ СЫН

ДО ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЫ
НЕ УГАДАТЬ,
КОМУ
МОЖНО
ВЕРИТЬ.

**The Nerd
Daily**

ЛОРЕН ХОРТ

INSPIRIA

Ток. Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс

Лорен Норт

Идеальный сын

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Норт Л.

Идеальный сын / Л. Норт — «Эксмо», 2019 — (Ток.
Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс)

ISBN 978-5-04-116377-8

Лорен Норт потрясла читателей блистательным дебютом. Напряженный, со взрывной концовкой, этот триллер вызывает неподдельное чувство страха и тревоги за главных героев. Эта эмоциональная, сильная и захватывающая история заставляет лихорадочно перелистывать страницы и гадать: кому же можно верить? После смерти мужа в страшной аварии Тесс Кларк живет только ради своего сына Джейми. Они пытаются научиться заново радоваться простым вещам — совместному просмотру мультиков, прогулкам до школы и хорошей погоде. Жить без мужа тяжело, но самое важное — у Тесс есть сын. На следующий день после восьмилетия Джейми Тесс просыпается в больнице с полной уверенностью в том, что кто-то ударил ее ножом, сын пропал, и во всем этом замешан ее социальный психолог. Но ее никто даже слушать не хочет. Напуганная и отвергнутая всеми, Тесс должна собрать оставшиеся силы в кулак, чтобы спасти сына и восстановить цепочку событий с самой смерти мужа и до дня рождения Джейми. Главное, чтобы правда, которую она узнает, не оказалась для нее невыносимой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116377-8

© Норт Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	29
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	45
Глава 14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Норт Лорен

Идеальный сын

Lauren North

The perfect betrayal

Copyright © North Writing Services Ltd 2019

© Ершов Д., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Понедельник, 9 апреля – со дня рождения Джейми прошёл 1 день

На мгновение – такое короткое – прекращается действие морфина, и боль возвращается. Она ещё слабая, поэтому я ясно осознаю четыре факта:

Первый – я в больнице.

Второй – меня ударили ножом.

Третий – ты жив.

Четвёртый – Джейми пропал.

Минут пять, навскидку. Минут пять у меня сердце так бьётся, что всё тело дрожит. Пять минут, когда ясно: нужно брать дело в свои руки. У нас ведь сын пропал, а я даже не уверена, известно ли вообще о его исчезновении, ищут ли его. Пять минут, и я снова стану пленницей этой боли, буду чувствовать, будто изнутри живот режут. Мне придётся молчать, стиснув зубы, – вдруг закричу, стану звать тебя и умолять дать мне ещё обезболивающего.

За эти самые пять минут я понимаю, что в палате со мной Шелли. Кожей чувствую её холодное прикосновение – сколько же она просидела на пластиковом стуле у моей больничной койки? Убираю руку, резко открываю глаза, встречаюсь с ней взглядом.

– Тесс, ну ты как? – Шелли немного подаётся вперёд, и я вдыхаю аромат её духов «Шанель». И с этим запахом приходит воспоминание: вот она стоит рядом с Йеном, в руке нож для праздничного торта Джейми. И слышно только, как на пол с ножа капает кровь.

Во рту всё пересохло из-за ватных тампонов. Силюсь произнести что-нибудь – не могу.

– Дать тебе воды, хочешь? – спрашивает Шелли, угадывая мои мысли, как это обычно у неё получается, – и у тебя. Рядом кувшин, она наливает воду в пластиковый стаканчик, подаёт мне, но я качаю головой, отчего синь больничных стен кругом идёт перед глазами.

– Где Джейми? – слова, будто стеклянные осколки в глотке, но я выталкиваю их силой.

Шелли резко поворачивается, украдкой смотрит в сторону сестринского поста по дальнюю сторону палаты.

– Тесс, мне жаль очень. Но ты думай только о том, чтобы скорее поправиться. Здесь ты в полной безопасности.

В безопасности? От чего? От кого? Где Джейми?

На лбу выступает капелька пота, ползёт к сбившимся кудрям – щекотно. В животе просыпается боль, начинает раздирать меня на части. Дышу часто – вдох, выдох, вдох, выдох, – пока боль ползет вверх к грудной клетке.

– Это всё ты, – шепчу. – Ты и Йен.

Шелли качает головой, потряхивая прядями гладких светлых волос.

– Я только хотела тебе помочь.

– Марк приходил. Он всё поправит.

– Марк?

В выражении её лица что-то меняется. На краткий миг: зрачки вдруг расширились, а потом сузились обратно. Испугалась.

– Марк умер, – говорит она, всё медленнее. – Его не стало в январе.

Неправда. Марк приходил. Сидел на том же стуле, что и ты. Гладил меня по руке, я точно помню.

Шелли ничего не отвечает, и я не сразу понимаю, что и сама ничего не сказала.

– Марк, он же, он... – Боль во мне крепнет, как дикий зверь, и вдруг слова не идут, и уверенности нет. Марк, ведь ты же приходил, приходил же?

– Лежи отдыхай. – Шелли подаётся вперёд, крепко стискивает руку. – Отдохнёшь, с доктором поговоришь, и станет лучше.

– Я хочу увидеть Джейми. – Пытаюсь пошевелить рукой, не получается. – Приведи его, ну пожалуйста. – Тон у меня умоляющий, отчаянный, но какая разница.

– Не могу, – отвечает Шелли, снова встряхнув волосами. На лице у неё улыбка, но в красивых зелёных глазах страх. Чего ты испугалась?

– Это мой сын. Ты не имеешь права его у меня забирать.

Шелли стискивает мне руку в последний раз, отходит.

– Зря я пришла, не стоило. Ты прости, Тесс.

Я смотрю, как у поста в дальней стороне палаты она о чём-то заговаривает с медсестрой с крашеными вишнёвыми волосами. Обе оборачиваются, пристально смотрят на меня. И Шелли уходит. Не выпускайте её, хочу я крикнуть. Джейми никуда не пропал, это она его увела. Сама не знаю, что хуже.

Марк, где же ты? Джейми без нас не сможет.

Медсестра спешит ко мне. С одной из коек её зовут.

– Минутку, – отвечает она, а сама подходит ко мне, берёт историю болезни. Делает пометку. О чём? Что ей сказала Шелли? Что она написала? Мне хочется спросить, но так больно, мне кажется, я вот-вот закричу.

Где-то сигналит машина. Любой резкий звук отвёрткой ввинчивается мне в голову.

– Повезло вам с подругой, – говорит медсестра. У неё отчётливый дублинский акцент. *Никакая она мне не подруга, никогда ею не была.*

– Сын... – Но закончить уже не получается.

– Сейчас я вам ещё обезболивающего дам, – обещает медсестра, кладя историю болезни обратно на место. Как же мне хочется взять и прочитать, что же она там написала. Но нет, не могу, всё болит.

Я чувствую, как по венам распространяется лекарство, погружаясь в тёмные глубины беспмятства, слышу снова голос Шелли:

– Здесь ты в полной безопасности.

В безопасности? А кто мне угрожает? Где мой сын?

Как боль, мысль слабеет. Пытаюсь повторять факты.

Первый – я в больнице.

Что там дальше было, силюсь вспомнить, но не могу.

Как я попала сюда? Как вообще всё это со мной случилось?

Глава 2

Стенограмма опроса. Присутствовали: Эллиот Сэндлер (Э.С.); Тереза Кларк (Т.К.) (пациент Оклендской больницы, отделение Хартфилд)

Вторник, 10.04. 16.45. Сеанс № 1

Э.С. Тесс, доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Т.К. Я? Не обо мне – о Джейми надо думать. Я хорошо. А Джейми пропал. Я всем говорю, никто не хочет слушать. Я тому, другому, сказала – полицейскому, молодому такому, с рыжими волосами. Он с утра приходил и брал показания. Шелли похитила. Или Йен. Шелли точно замешана. Никто меня слышать не хочет. Сэндлер, вы же следователь, вы мне скажите, что конкретно делается? Мне нужно знать, где мой Джейми, что с ним.

Э.С. Делается всё возможное, Тесс.

Т.К. Нужно просто разыскать Шелли. Да она сюда, в больницу, ко мне вчера приходила! Она точно знает, где Джейми. Вот только бы выбраться отсюда, сразу бы её нашла.

Э.С. Если вы хотите помочь, быть может, вы могли бы сообщить обстоятельства происшествия двухдневной давности? Это было воскресенье. Вы находились у себя дома.

Т.К. Воскресенье было два дня назад? Джейми уже два дня как пропал? Ох, боже ты мой...

Э.С. Что произошло?

Т.К. Джейми исполнилось восемь. Был его день рождения. Мы отмечали.

Э.С. Кто отмечал с вами вместе? Кто нанёс вам удар ножом?

Т.К. Не... (*пауза*). Не могу вспомнить.

Э.С. А что помните?

Т.К. Помню, Шелли была. Я-то думала, подруга. Помочь пытается. Она так хорошо с Джейми ладила. Это я во всём виновата. Джейми – смысл моей жизни. Если с ним какая беда случится... (*плачет*).

Примечание: сеанс приостановлен вследствие тяжёлого эмоционального состояния пациента.

Глава 3

Понедельник, 12 февраля – до дня рождения Джейми 55 дней

В день, когда ты умер, я разожгла в саду костёр.

Да, вот так вот. Твоя жена, городская жительница, наконец привыкает жить за городом. Чёртова куча веток во дворе, не могла уже смотреть на них. Когда ты подстригал ограду возле дорожки и свалил всё в кучу (ещё одно дело недоделал)?

До Рождества, только и помню.

Я, конечно, не знала, что ты умер. Осталась бы на кухне – грязь оттирать от шкафчиков, болтая с радио, – узнала бы сама, не от полицейских. Но я-то не знала, потому что тогда, в то утро, я озаботилась не въевшейся грязью, а кучей веток во дворе. А ещё дождя не было, небо синее-синее, я и пошла в шлёпанцах, со спичками и газетой наперевес. Вжух – и занялось.

Миг восторженной дрожи. Захрустели ветки, запахло костром, и в памяти всплыли хот-доги, чучела Гая Фокса с шаткими головами. Миг я думала, что надо было дожидаться Джейми, пусть бы и он посмотрел. Я даже чуть было не пошла в танец вокруг костра, так мне стало вдруг хорошо.

И вот пламя уже лижет крышу сарая, валит серый дым, будто задышал дракон. И от запаха уже не ностальгия, а в горле дерёт, а я стою вся, получается, в этих дурацких шлёпанцах, а вокруг пепельная вьюга. Побежала обратно в дом, вытряхивая пепел из кудрей, веселясь – вот я смешная, вот же забылась. Стала смотреть, где там телефон, хотела отправить тебе фото.

Так и не послала. Но ты бы и не увидел. Тебя уже не было.

Я пытаюсь вспомнить, каково это – смеяться, как я смеялась тогда. Не получается. Это уже не мои воспоминания, чужие. А было это четыре понедельника назад. Четыре недели – целая жизнь, оказывается. Спрашиваю себя, если бы ты сейчас меня встретил на улице, узнал бы? Мои непослушные светло-русые кудри теперь повисли неряшливой копной. Скинула лишние килограммы, накопленные за беременность. Всего-то и надо было – семь лет и чтобы тебя не стало.

Четыре понедельника. Четыре недели без тебя.

Сквозь оконный проём пробивается луч, образуя алмазный узор на кухонном столе и коробочке передо мной. Смотрю, как эти алмазы добираются до едва держащихся на петлях дверей кухонных шкафчиков из тёмного дерева.

Как я ненавижу эту кухню.

Почему в таком большом доме такая крохотная, такая мрачная кухня? Как же не хватает той, старой. От этих мыслей тоска не такая резкая, как когда я думаю о прошлой жизни, но всё равно тоска, внутри что-то замирает, и вдруг в памяти встают чистые-чистые белые шкафчики, гладкий пол, простор.

Мой взгляд падает на коробочку рядом с хлопьями, которые не получается в себя запихнуть. Зеленовато-голубая, маленькая. «Флуоксетин» напечатано чёткими чёрными буквами над этикеткой с моим именем: Миссис Тереза Кларк. Одна таблетка 20 мг в день.

Как это было всё у доктора просто: *«Миссис Кларк, переживание утраты нередко сопровождается депрессией. Исходя из описанных вами симптомов я решил назначить вам курс антидепрессантов. Для начала на три месяца, а после прошу вас снова записаться ко мне на приём. Кроме того, вам стоило бы обратиться к специалисту, который напрямую специализируется на помощи потерявшим близких»*.

Я к этому доктору пошла на прошлой неделе, чтобы он мне прописал что-нибудь для сна, чтобы я просто отключалась и не было кошмаров. А он решил, у меня депрессия. Но я не чувствую никакой депрессии. Чаще всего я только и чувствую, что холод.

Не нужны тебе эти таблетки, Тесс.

От твоих слов боль немного утихает, но потом тянется по телу, как пластилин, в который так раньше любил играть Джейми. Ты умер, я знаю. Знаю, что этот голос в голове ненастоящий. Это я выдумываю, что бы ты сказал, если бы был рядом. Мне так легче.

Не нужны они тебе.

Ты мне уже это говорил. Я тогда не могла вылезти из постели, собрать Джейми в сад. Ты мне сказал, что я, мол, смогу силой воли перебороть себя. Захочу – и не будет ни пустоты, ни грусти.

Но ведь получилось? Тебе стало лучше.

Стало, но потом.

Глаза щиплет, вот-вот заплачу. Мысли в беспорядке. Пытаюсь сосредоточиться на звуках дома, на реальном. Звуков много. Скрипят, стучат трубы для горячей воды, будто привидение, воеет ветер в каминах, дрожат окна в гниющих деревянных ставнях. Но сильнее всего слышно теперь нашего сына – сонные топ-топ-топ в ванную.

Я представляю, как Джейми чистит зубки, а щёткой старается не касаться промежутка внизу, где раньше был молочный зуб. Языком трогает один верхний, вдруг тот качается – сегодня как раз выпадет. Сынок наш, мне кажется, вырос с тех пор, как тебя не стало. А я съезжилась вся как-то. Потерянная, маленькая стала – так не хватает твоего плеча, но сын растёт, и ничто тому не помеха.

Шаги поутихли – это Джейми вернулся к себе в комнату, заканчивает одеваться.

Минута, две – и Джейми спускается в кухню.

Меня вдруг переполняют чувства. Наш сынок со мной. По телу растекается спокойствие, крошечными волнами вытесняя сердечную боль. Джейми со мной. Тебя нет, значит, моя жизнь остановилась, но Джейми со мной. А значит, есть жизнь.

– Доброе утро, зайчик мой, – говорю я сыну.

Он ловко садится на стул напротив, его уже ждут тарелка с ложкой.

Бросаю взгляд на микроволновку, на ней часы. Уже 8.35. И как только утро пролетело?

– Опять мы с тобой в школу опаздываем. Засиделась чего-то, прости.

Сын кривится. Опаздывать не любит. А всегда спокойно к опозданиям относился. И раньше так не хмурился. От этого он, семилетний, слишком сильно похож на взрослого, но последнее время у него так всё чаще при виде моего землистого лица и синяков под глазами.

Он переводит глаза на коробочку у меня в руке – таблетки, которые мне бы надо пить, а я не пью. Встаю поспешно, ножки стула скользят по уродливым красно-коричневым плиткам, роняю упаковку на гору писем у микроволновки, и куча пружинит под довеском.

Оборачиваюсь, а сын уже совсем не хмурый, а снова обычный маленький мальчик. Берёт хлопья и от души высыпает в тарелку.

Его бы подстричь, Тесси.

Всегда ты это говоришь.

Светлые кудри, так похожие на мои, упрямые и непослушные, но он постоянно убирает их от своих голубых-голубых глазок. Помнишь, что нам медсестра говорила? Джейми родился, мы стоим над ним, воркуем, какие, мол, глазки, а она говорит: «*Они поблекнут потом, такими чистыми не останутся*». Остались.

Я не веду его к парикмахеру, но не потому же, почему не проверяю почту или сообщения на автоответчике. Просто он длинноногий, подбородок квадратный, прямой нос с курносинкой – вылитый ты, Марк. А если ещё и волосы подстричь, будет ещё сильнее как ты. Да и самому

ему нравится, чтобы подлиннее. Если стесняешься, проще спрятаться, а стесняться он иногда любит.

– Всё собрал? – спрашиваю. – Где джемпер?

Джейми пожимает плечами, рот набил хлопьями так, что ответить не может.

– И я не знаю. А где ты в пятницу его бросил?

– Не знаю, – слышу в ответ.

И меня пробирает бессилие. А из него уже вырастает злость. Выпаливаю, не успев сдержаться:

– Ради бога, Джейми. Куда ты задевал чёртов джемпер?

Он весь съёживается, прячась от злости в моем голосе. И мне становится стыдно. Очень.

Джейми повесил голову, удручённо склонился над тарелкой, по щеке покатилась единственная слёзка.

– Не ругайся. Ругаться нехорошо, – шепчет.

– Прости, – вырывается у меня. Сажусь на корточки рядом с сыном. – Маме не стоило срывать. И уж точно не стоило ругаться. Ты ничего плохого не сделал. Просто мне сегодня утром нездоровится. Но это не из-за тебя. Прости меня. – Встаю, кусая губу. – Я на выходных стирала, помню, точно где-то висел, – говорю я неправду. – Доедай давай завтрак, а я пойду поищу.

Джейми кивает, и я понимаю, что всё у нас снова хорошо. Настолько, насколько возможно без тебя.

Тапочки прихлопывают по деревянному полу – быстрым шагом вон из кухни и в коридор с массивной дубовой дверью. Из одной комнаты в другую – ищу джемпер. Сначала в столовую, где по бокам громадного камина, почерневшего от десятилетиями копившейся в нём сажи, стоит мебель твоей матери из чёрного дерева. Того же чёрного цвета старинные дубовые балки, что идут по потолку и вниз вдоль стен.

А джемпера нет.

Не могу вспомнить, я его стирала или нет. Сушила ли. Ещё одно воспоминание, растворившееся в тумане моей жизни...

Через коридор иду в главную гостиную, откуда видно сад. В ней ещё один камин, перед которым восточный коврик. За годы от искр он прохудился по краям. Я хотела его выкинуть, но ты не дал.

Он вписывается в интерьер, Тесси.

Ну, может, и вписывается. Мне уже не то чтобы очень важно. Вот чёрный угловой диван же тут не к месту? Он для этой комнаты слишком мал, выглядит слишком современно, как и плоский телевизор на стеклянной подставке. Вот у нас дома в Челмсфорде в нашей прямоугольной гостиной он смотрелся идеально. А тут – нет.

Думала, найду джемпер в куче вещей у игровой приставки, но его там нет. Иду дальше. Вдоль по коридору мимо большой лестницы в другие комнаты. Библиотеку, заваленную копиями старых журналов. Ещё одну гостиную – или как там ещё её назвать, – заваленную коробками. В половине из них вещи, которые мы так и не успели достать. В остальных – то, что осталось нам от твоей матери.

Поднимаюсь по тесной лестнице в задней части дома. Заглядываю в спальни. Не считая нашу и ту, где теперь спит Джейми, всюду память о семидесяти двух годах, прожитых твоей матерью. А ещё грязь, потому что хозяйка считала уборку недостойным её внимания занятием.

Да, под конец жизни она и вправду была уже слегка того.

Ох, Марк, вот это ещё мягко сказано. Впрочем, уж кому бы рассуждать о душевном здоровье? У меня у самой, по словам врача, депрессия.

Заглядываю в ванную. Золотые краны, кремовый ванный гарнитур, тёмно-лиловая плитка на полу, стенах, потолке. Джемпера нет.

Он отыскивается у Джейми в комнате. Там все цвета вперемешку – покрывало красное с Человеком-пауком, на полке зелёные черепашки-ниндзя, занавески чёрно-жёлтые с Бэтменом. На полу ковёр с машинками и дорогами, мы его Джейми бог знает когда купили. Выкинуть жалко.

Джемпер висит в шкафу. Пахнет лавандовым кондиционером. Наверное, постирала и забыла. На автопилоте повесила в шкаф, а сама думала о тебе, о нас.

– Нашла, – выпаливаю я. Бегу назад на кухню.

Там Джейми натягивает на себя джемпер, не произнося ни слова.

– Ну что, готов? – спрашиваю я, завязывая волосы в пучок и, обогнув кухонный стол, направляясь к углу у боковой двери, где куртки и обувь. Ты только глаза не закатывай, но я всё ещё в твоих красных клетчатых пижамных штанах.

Ох, Тесси. Серьёзно?

У меня длинная зимняя куртка, сапоги, их не будет видно. Да и потом мне только Джейми в школу отвести.

Школа в соседней деревне, можно на машине доехать, там езды на пять минут, а доехав, можно помахать Джейми из машины, не выходя. И не увидит никто моих штанов. Вот только я в таком состоянии не смогу никуда поехать. Даже пойти. Вместо сапог будто гири, ноги ватные.

На улице солнце блёклое, но светит ярко, как прожектор. Зажмуриваюсь, опускаю глаза, стараюсь сосредоточиться на дороге передо мной.

С рёвом мимо проносится машина, и на долю секунды снова будто сердце останавливается, в голове вспышкой мысль, а что, если... что, если взять и броситься под машину, броситься – и снова мы будем с тобой вместе. На долю секунды такая мысль – и всё, ушла. Даже веришь, что и не думала ничего такого. Почти веришь.

По обе стороны дороги колючая живая изгородь. Прислоняюсь к Джейми, и мы с ним сдвигаемся ближе к ней. Когда-то сынок катался на самокате с друзьями. Уезжал на три фонарных столба вперёд, а потом ждал, пока дойду. Всё это в прошлом.

Ну почему нет тротуаров.

«Тесси, ну хватит тебе волноваться», – успокаивал ты меня, когда Джейми впервые пошёл в новую школу. Ты вообще всегда это повторял, стоило мне о чём-то беспокоиться – вдруг что-то случится, вдруг происходящее будет не в моей власти. Тротуаров, например, не будет. Самолёт упадёт.

Ты взял тогда отгул, и мы все вместе пошли, помнишь?

– Вот, сельская местность, – сказал ты и локтем пихнул Джейми, вы оба стали надо мной смеяться. Мол, мамочка глупенькая, не любит ходить, где машины ездят. Глупенькая, ей подавай не кусты, а тротуар, а вокруг пусть не пашни, чернеющие грязью, а жилые кварталы.

– Сегодня на нашей экскурсии от компании «Кларк-тур» мы проведём вас по туристическому маршруту до школы, – говорил ты, а мы смеялись, так забавно у тебя получалось изображать экскурсовода. – От нашего дома где-то с полтора километра до церкви, административного центра и старой школы на другом конце посёлка, в которую ещё я ходил, пока новую не построили. Здание осталось, но там вроде теперь бухгалтерская фирма. В посёлке также имеется почта, ветеринарная клиника, детская площадка и новый жилой квартал.

– Новый? – фыркнула я. – Вот у нас в Челмсфорде был новый дом.

– Ну не новый-новый, но для посёлка – да. Построили в семидесятых. Этот «не-такой-уж-и-новый» квартал идет параллельно старой дороге, вдоль которой стоят тюдоровские дома вроде нашего.

– И дома, у которых крыша в соломе, – вставил Джейми.

– Не в соломе, а с соломенным покрытием, – поправила я его, легонько сжав руку.

– А если вам очень повезёт, после школы я вас свожу в один из наших трёх пабов на кружечку горячего шоколада и дорожный пакетик чипсов.

Джейми засмеялся, а ты ухмыльнулся, ну словно мальчишка. Я закатила глаза:

– Лучше на дорогущий бокал вина.

– Миссис Кларк, ваша идея мне по вкусу. А если вы будете вести себя особенно хорошо, – сказал ты и подвинулся так близко, что от твоего дыхания зашекетало ухо, – я, так и быть, разрешу вам себя поцеловать за автобусной остановкой, ровно на том самом месте, где я поцеловался в первый раз в жизни с грудастой девчонкой по имени Керри Лонгстон.

– Ну, Марк, – засмеялась я. У тебя всегда получалось меня смешить.

Подходим к повороту, и я чувствую, будто пахнуло костром, едва-едва, может, почудилось. Но всё равно запершило в горле, и я не успеваю себя одёрнуть, так и вижу снова репортаж по телевизору, вижу голубое-голубое небо, самолёт, вижу взрыв. Я морщусь – это от слёз закололо под глазами. Дышу быстро, тяжело.

Ещё пара шагов, мы заворачиваем за угол, и нет уже запаха костра, а только холодное утро, полное росы.

– Мам? – будто издалека доносится тихий голос Джейми.

– Всё хорошо, малыш, всё хорошо, – вру я в который уже раз за день.

– А где мой портфель?

– Ой, – говорю.

Перевожу взгляд на руки, будто и так непонятно, что ничего в них нет. Где портфель, где бутылка с водой? Смотрю, и у него их нет, и меня снова моментально переполняет злость.

– Забыли, – шиплю сквозь зубы. Это твой портфель, твоя вода, Джейми, чтобы их чёрт побрал, да когда ты вырастешь наконец, когда наконец научишься ответственности. Так я ору на него про себя, пытаюсь, чтобы незаметно, но меня выдаёт мой тяжёлый вздох, и мальчик подавленно сутулится.

– Мапочка, прости, – шепчет он так тихо, что почти и не слышно. А мне так больно, сердце разрывается.

– Люблю тебя как до луны и обратно, – говорила я раньше сыну каждый день.

А он мне в ответ всегда отвечал:

– А я тебя – как сто раз до солнца и обратно. – Не было раньше ни этого молчания, ни обидных слов.

Поворачиваем назад в сторону этого нашего большого белого дома с чёрными хлипковатыми балками. Где снова нас ждёт этот г-образный лабиринт из комнат, мрака и холода. Снова – запах костра, пробуждённые им воспоминания.

Когда мы добираемся наконец до школы, все ребята уже зашли, никого на детской площадке не осталось. Джейми поворачивается, исчезает внутри здания. И всё, сразу и нет злости и обиды, а есть только пустота тянущегося дня.

Вспоминаю этот первый месяц без тебя и думаю, а не должна ли я была уже тогда ожидать её появления. Разглядеть, как полицейскую мигалку в ночи. Не была бы я так одержима болью, тобой, смогла бы предвидеть, как повернётся жизнь? Старая Тесс, та Тесс, какой я была раньше, кричит «да». Но новая «я» сомневается.

Глава 4

Понедельник, 19 февраля – до дня рождения Джейми 48 дней

С днём рождения меня! 38 лет. И когда только исполнилось. Ах да, в этом же году на понедельник выпадает. Пятый, Марк. Пятый понедельник с тех пор, как тебя не стало.

С днём рождения, Тесси.

Сегодня хотя бы небо заволокло низкими серыми тучами. Весь холод с ночи остался, некуда ему из-за туч деться, на кустах ежевики заблестел иней. Вот уж не знаю, пережила бы я ещё один день синего, ясного неба в белых полосках пролетающих самолётов, на которое ты глядишь и всё внутри сжимается от чувства жуткой несправедливости.

Так что сегодня мне хоть в чём-то повезло.

Джейми утром зашёл на кухню и увидел, как я там, громко всхлипывая, плачу. Из-за этого он сам заплакал – подумал, что чем-то меня расстроил. От этого я расплакалась ещё сильнее, потому что вела себя как эгоистичная дрянь.

– Мапочка, не плачь. Пожалуйста, мамочка, – всё повторял он, пока я крепко его обнимала.

Пока наконец оба успокоились, стало понятно, что мы опаздываем в школу. Заругала Джейми за то, что куда-то задевал сменку, а она, конечно, никуда не девалась – так и стояла около двери, где положено. И снова оба в слёзы.

Спросила Джейми, может, дома, со мной останешься. Он не захотел – сегодня понедельник, физра.

В школу мы пришли на полчаса позже, дрожащие и зарёванные. Хотя в школе и гибкая политика относительно опозданий, я всё жду, что директор попросит меня на пару слов, но пока учителя держатся в стороне. То ли сочувствуют, то ли боятся, что сорвусь, – не знаю, да и всё равно мне.

Утро сегодня не задалось.

Но я задумалась. А может, всё-таки выпить таблетку. Приду домой, погреюсь в ванне и выпью. Наверное.

Не нужны тебе таблетки, Тесси.

Тебе-то легко говорить.

Никто не пишет, что, когда горюешь, тебе холодно. Очень холодно. Когда я только узнала, тело сковал мороз и всё никак не отпустит. За последний месяц мне, не спросив, дали штук пять брошюр «Как справляться с горем». И ни в одной не пишут про холод. Там всё про стадии горя: оцепенение, шок, гнев, вина. Эмоции выделены жирным, промаркированы, будто поставил галочку и всё – живи себе спокойно дальше.

Я ещё даже не вернулась домой из школы, а зубы стучат, вся дрожу. Только и думаю, как бы окунуться в кипящую ванну. Потому и не замечаю огромный черный джип у въезда в гараж. Не сразу то есть замечаю.

А дальше всё происходит мгновенно. Поворачиваю за угол, протискиваюсь между машиной и кирпичной стеной, чертыхаюсь, задевая локтем зеркало заднего вида, и вдруг вижу тебя, и по телу пробегает волна.

Ты. Правда же, ты. Стоишь у порога нашего дома. Полуулыбка – твоя. Голову чуть склонил набок – как ты это обычно. Люблю. Люблю. Люблю тебя.

На миг всё возвращается. Нет больше ни мрака, ни тумана, ни холода. Улыбаюсь: кто-то где-то ошибся. Чудовищно ошибся. А ты живой, и я люблю тебя.

И тут же в одно биенье сердца этого чувства не стало. Реальность обрушивается на меня так же резко, как слова полицейской Гринвуд, сказанные мне в тот день:

– На борту был и ваш муж... все погибли.

Не ты это. Твой брат. И как я раньше не замечала, что вы с Йеном так похожи. Глаза, например, как у тебя, карие, совершенной овальной формы. Как же мне не хватает их, как я скучаю по твоей привычке брать в ладони моё лицо и смотреть на меня этими своими глазами.

И волосы не отличишь. Только Йен стрижётся короче, в деловом стиле, как и положено партнёру в юридической фирме «Кларк и Барлоу». А так – всё тот же шоколадно-каштановый цвет.

– Привет, Тесс, – говорит Йен, делая шаг ближе, и все мои надежды испаряются окончательно, потому что он не такой высокий, как ты, а с меня ростом. В нём метр семьдесят семь, и он, подойдя, становится вровень со мной. Его – твои – глаза глядят ровно в мои.

– Привет, – говорю, не знаю, куда отвести взгляд: не могу я смотреть ему в глаза, приходится пялиться на белую дверь с чёрными петлями, ведущую на кухню.

Обнимаемся – неловко, ступни словно примёрзли к полу, и только туловищем тянемся друг к другу. Помню, когда встречались с ним раньше пару раз в год, он не пытался со мной обняться. Он только рукой мне, бывало, махнёт, скажет так: «О, привет, Тесс», – как будто я дальняя родственница на свадьбе, которую не очень-то и хотели туда звать.

На твоих похоронах вот обнялись. Не помню, кто потянулся первым – я или Йен, но теперь так у нас с ним, видимо, стало принято.

– Не могу до тебя дозвониться, – говорит Йен, едва мы друг от друга отстранились.

– Прости, заболела. Грипп, – вру я.

– Две недели? – спрашивает он недоверчиво, и я не знаю, что ответить.

– Давай, может, зайдём, поговорим, – предлагает он и, не дожидаясь ответа, уверенно идёт в сторону двери, а я волочусь за ним, как будто это вообще он хозяин, а я – гостья.

Трясущимися руками пытаюсь вставить ключ в замок. То ли всё не отойду, ведь я подумала, что тебя увидела, то ли холодно очень, но старый механизм всё не поддаётся.

– Давай я помогу. – Йен подходит ближе, жестом давая понять, что откроет сам. – В мороз нужно вверх потянуть, а то не откроешь, так и раньше было. – Жалобно скрипят петли, и дверь открывается. Йен шествует внутрь, а я остаюсь на пороге. Как же не хочется вслед за ним куда-то идти.

Йен как будто забыл, что уже двадцать лет здесь не живёт, ведёт себя так, будто дом – его, а твоя мать ещё жива и ходит, ворча, по дому.

Тесси, это мой старший брат. Он помочь пришёл.

Ну, может, и помочь. Но тебя он всегда держал за глупого подростка, а нас с Джейми – за временных попутчиков.

Ты тоже хороша. Всё, что он ни делает, воспринимаешь в штыки.

Скидываю ботинки в углу, иду в носках по полу на кухню. На холодном кафеле ноги немеют. Отопление отключили, поэтому дома такая же температура, что и на улице. Но какая разница: будь на кухне тропики, я бы всё равно ёжилась от холода.

Йен облакачивается на столешницу спиной к окну, выходящему на въезд к дому. Взгляд его падает на наш с Джейми недоеденный завтрак. В моей тарелке хлопья вздулись, образовав единую влажную массу. Вижу, как Йен хмурится: бардак вызывает в нём брезгливость. Он выпрямляется, поправляет галстук.

– Вот, держи, – говорит он, протягивая вперёд руку, и тут только замечаю, что он пришёл с пакетом. – Купил тебе винограда, шоколада немного. Выбирал наугад, не знаю, какой тебе нравится.

– Надо же, спасибо.

На его лице появляется обида. Может, я веду себя неблагодарно? А ты прав, и я правда всё в штыки воспринимаю?

– Спасибо тебе огромное за заботу, – добавляю.

– Тесс, очень неудобно тебя просить, – продолжает он, – но время уже не терпит. Верни деньги.

Деньги. Слово, как дротик, вонзается мне в сознание. Ну конечно, он сюда не обо мне или Джейми справиться пришёл.

– Какие деньги?

Йен щиплет себя за переносицу, закрывает на мгновение глаза. Прямо как ты – раньше.

– Я тебе на похоронах всё объяснил, – заявляет Йен. – Вы переезжали, Марк взял у меня в долг. Сказал мне, что ты в курсе. Ему понадобилась моя часть наследства на пару месяцев, пока вы продавали дом в Челмсфорде.

Сглатываю, снова на мгновение стуча зубами. Не очень помню, что было на похоронах. Помню, по витражным окнам колотит дождь. От каменных стен холод подбирается сквозь плащ, сквозь платье к кусочку льда внутри. А кроме – ничего, пробел, сцену из фильма вырезали.

– Тесс? – Я дёргаюсь от его нетерпеливого тона. В полумраке кухни глаза у Йена кажутся темнее. Как бы мне хотелось, чтобы этот разговор мы вели снаружи. Но кто меня спрашивает.

– Дом в Челмсфорде мы быстро продали, – отвечаю я, поворачиваясь к Йену спиной и принимаясь вычищать миски. Тот отходит от раковины, но помочь не предлагает. – Мы продали дом в Челмсфорде, деньги сложили с наследством, которое досталось Марку от вашей мамы, выкупили у тебя долю в этом доме. Оставшуюся часть взяли в ипотеку. Всё это делалось через твою контору. Мы с Марком подписывали все бумаги в офисе твоего партнёра. Деньги перечислили прямо тебе на счёт. Ты при этом присутствовал. И Джейкоб Барлоу тоже.

– Да, – кивает Йен, и мне кажется, что со мной разговаривают, как с ребёнком, будто я самых простых вещей не могу понять. – А потом часть этих средств вы взяли обратно в долг.

– Нет, не брали. – Чувствую, как на глазные яблоки начинает давить мигрень.

– Мне нужны эти деньги, Тесс, – говорит он, делая шаг в мою сторону. Он теперь так близко, что я чувствую пряный цитрусовый аромат его одеколона. Замираю с мисками в руке. Во взгляде Йена что-то промелькнуло. Отчаяние? Или, быть может, усталость?

– Джейкоб собирается уходить на покой, продать свою долю в фирме, – продолжает Йен. – Я взял кредит, у меня есть накопления, но средств не хватает. Не выкуплю его долю, придётся продать фирму зонтичной компании. Название с офисом сохраним, но делаться всё будет для галочки. Все труды, вся репутация насмарку. Марка на работе страховали, я знаю, тебе положено пособие по смерти, был и полис страхования жизни. Он это всё указал, когда вы составляли завещания. Из этих денег можно мне вернуть долг.

Скриплю зубами, силясь не открыть рот, не сказать что-нибудь, о чём потом придётся жалеть. Как же хорошо он разбирается в наших семейных делах. Знает даже то, о чём я сама не в курсе.

«Тесс, это мой брат. Нам нужен адвокат, а в его фирме не станут задира́ть цену. Сам лично он нами заниматься не будет, отдаст партнёру», – ты тогда сказал.

Но Йен всё равно сунул нос в наши документы, прочёл твоё завещание.

В голове вспышкой проносится воспоминание: решительный, собранный Йен в тёмном костюме при галстук зачитывает написанную им траурную речь. Речь прошла мимо меня, помню только, что в ней было про то, как ты с ним в детстве карабкался по деревьям, плавал в речке. Целую жизнь прожили вы здесь, до меня и сына, а я так мало знаю о том, как это было. Меня и Джейми Йен упомянул – в конце, этаким постскриптом к твоей жизни.

– Я о деньгах и тому подобных вещах не думала ещё, – говорю, – так мало времени прошло.

– Больше месяца, Тесс, – отвечает Йен, уже мягче, – тебе сейчас непросто, знаю, но нужно поговорить с Джейкобом. Он тоже всё до тебя не дозвонится. А ты исполнитель завещания Марка. Если не начнёшь этим заниматься, у тебя не будет доступа к деньгам.

– У тебя тоже.

Йен смущается, слава богу, хватило совести.

– Да. Но ведь я помочь тебе хочу. На оформление бумаг уходят месяцы. А я в завещании стою вторым исполнителем. Я со всем могу разобраться вместо тебя. Ты просто...

Качаю головой:

– Подожди-ка. А сколько там было? Сколько у тебя занял Марк?

– Сто тысяч.

– Сколько? – выпаливаю, опуская миски в раковину. Со звоном о фарфор ударяется ложка. Так много! Разве столько вообще берут в долг?

Йен вздыхает, снова потирая переносицу.

– Марк сказал, это на ремонт в доме. На новую кухню. Сказал, что ненадолго, до пролонгации по ипотеке. И что ты в курсе.

– И что, по мне видно, что я в курсе? – спрашиваю, поворачиваясь к Йену.

Мой вопрос застаёт его врасплох, но он быстро находит, что ответить.

– Ну, может, Марк хотел разобраться с делами сам, а тебе рассказать постфактум, сделать приятное. Не знаю. Как бы то ни было, извини, но деньги пора вернуть, – заявляет мне Йен. – Дольше ждать уже не могу.

– Ага, да, а кто бы мне мужа вернул? А без мужа придётся нам рассчитывать на страховку – протянуть на ней сколько получится.

А потом что? Только о твоей смерти я и думала всё это время, а о деньгах решила не задумываться. На что мы с Джейми будем жить – на доходы от частных занятий? Это если я ещё не растеряла всех учеников. А то я не только на звонки Йена не отвечаю. Скоро тестовые выпускные экзамены. Родители ждать не будут.

Но не ошибается ли Йен? Правда, что ли, была страховка? Силюсь вспомнить, что мы с тобой внесли в наши завещания. Мы сидели в переговорной, жаловались на горький кофе. Думали, куда потом пойдём поесть. Только этот вопрос меня тогда и заботил. Всё остальное казалось неважным.

Лучше бы я задумывалась о таких вещах. И ты бы меня лучше заставлял задумываться, а не брал все эти разные мелочи на себя, а я – живи себе беспечно. Как когда у тебя мама умирала от пневмонии в больнице, а ты мне сказал, мол, ничего страшного, обычная инфекция. И вроде бы правду сказал, да только не всю.

Я тебя пытался уберечь, Тесси.

Неужели меня надо так беречь?

Я просто не хотел, чтобы ты лишний раз волновалась. Разве это полезно для здоровья – постоянно переживать?

– Тесс, слушай, – возвращает меня к реальности Йен. – Хочешь не хочешь, а завещанием Марка заняться можешь только ты. Зная брата, он бы не хотел, чтобы это так затягивалось. Был бы он живой, уже бы долг вернул.

Злость возникает из ниоткуда, шокируя и меня, и Йена.

– Да как ты смеешь мне такое говорить? – шиплю я, а мои слова будто физически толкают Йена, да так, что он пятится назад. – Как у тебя язык поворачивается сказать, что *ты* знал брата? Я его знала! Я знала мужа! Да вы, блин, даже не общались особо. Откуда тебе знать вообще, чего бы ему сейчас хотелось?

– Мы с Марком были братьями. Может быть, мы помногу и не общались, но выросли-то вместе. Я его знал дольше, чем ты. Ну и если ты его так прекрасно понимала, то почему же он тебе не сказал, что взял у меня в долг?

Есть в его тоне что-то такое, будто он знает что-то, чего я не знаю, а рассказать не хочет. И это меня бесит.

– Мы с тобой эту тему уже поднимали на похоронах, – напоминает Йен, как если от этого повторения всё станет на свои места.

– Это я уже который раз слышу. Но ты мне лучше вот что скажи: тебе в голову не приходило подождать неделю там, да хоть день? Тебе до нас ехать каких-то двадцать минут. Что тебе вздумалось со мной такие вопросы обсуждать прямо на похоронах?

По моим щекам бегут слёзы, жгут кожу так же, как внутри меня сжигает злость.

– Я потеряла мужа, – выдавливаю из себя, задышавшись. – Я его больше жизни любила, ты это понимаешь?

Что-то меняется в том, как Йен стоит, держит себя.

– Да, зря я. Прости меня. Нужно было не сразу там, подождать, – отвечает он тихо.

Киваю, и злость внезапно отпускает. Внутри меня снова только темнота.

– Я не пытаюсь всё тебе делать назло. Просто я правда ничего об этом долге не знаю. Финансовые вопросы на себя брал Марк. Мы подумывали как-нибудь сделать новую кухню, но деньги на это планировали накопить. Я тебе обещаю, счета проверю, а Джейкобу перезвоню. Мы точно ничего такого не покупали, так что если Марк у тебя занимал...

– Занимал, Тесс. И я бы не беспокоил тебя, но очень нужно, и прямо сейчас. Я и в долг-то давать не хотел. Договаривались, что через пару месяцев он все вернёт.

– Хорошо, я посмотрю по счетам.

– Спасибо.

На мгновение повисает молчание, ни я, ни он не знаем, что сказать друг другу дальше.

«Джейми вот ничего, справляется, – хочу я поделиться. – Джейми, племянник твой, помнишь такого?» Сама не знаю, почему меня так удивляет, что Йен не спешит поинтересоваться, как дела у моего сына. Он же никогда не проявлял особой заботы, ограничивался формальными подарками по случаю. Что, ждать, что теперь он вдруг изменится?

– Жаль, Тесс, – говорит Йен, – жаль то есть, что так всё получилось.

– Жаль, да, – отвечаю, лоя пальцами очередную наворачивающуюся слезинку.

– Заеду на следующей неделе, – обещает Йен, но в его тоне будто сквозит угроза. Похоже, ему тоже так показалось, потому что он добавляет: – Могу продуктов завезти. Нужно что купить, скажи.

– Как проверю счета, сообщу.

Йен кивает. Ему явно хочется сказать что-то ещё, надавить, но его смутили моя злость и мои слёзы.

– Пока, Тесс. – Йен быстро выходит из дома, не оборачиваясь. Захлопывает дверь, но она медленно открывается вновь. Жду, может, он закроет её как надо. Но Йен уже идёт к своему джипу, скрипя по гравии начищенными ботинками.

Тянусь к двери, закрыть – и только тогда вижу цветы. Ярко-зелёные стебли обвязаны резиновой лентой, листья густые, насыщенный пурпур бутонов. Тюльпаны. Целый букет, штук 20, не меньше.

Ни упаковки, ни записки, только две резиновые ленты не дают букету распасться.

Йен уже съезжает на дорогу. Не успеваю опомниться, бегу прямо в носках по гравии, пытаюсь быстрее, но ноги проскальзывают. Мне во чтобы то ни стало нужно спросить, а Йен вот-вот уедет. Вижу, как он смотрит в зеркало заднего вида, не едет ли кто сзади. Меня замечает, только когда я уже барабаню по стеклу.

Он вздрагивает, не ожидал меня снова увидеть, тем более с таким безумным огнём в глазах.

– Это ты цветы принёс? – выпаливаю, не дожидаясь, пока стекло опустится до конца.

– Какие цветы? – недоумённо качает головой Йен.

– Там, у бокового входа. Не ты там букет оставил?

– Не я.

Делаю неловкий шаг назад, оборачиваюсь. Я уже готова поверить, что цветы мне привиделись. Но нет, у двери, в углу, скрытый наполовину кучей опавших листьев, всё так же лежит оставленный кем-то букет. Но когда его принесли – когда мы с Йеном разговаривали, или он и раньше тут лежал, а я не заметила, потому что Йен отвлек внимание на себя? Не могу понять.

– Тесс, не забудь посмотреть счета, ладно? – напоминает Йен, выезжая на дорогу.

Слабо киваю. Йен уезжает.

Кто бы мне мог подарить цветы? Тюльпаны, какие ты дарил мне на день рождения каждый год.

Мне хочется верить, что они все-таки от тебя. Но нет, разумеется, нет.

Глава 5

Ванную с рёвом заполняет горячая вода. От давления стонут трубы у меня под ногами. На стене зеркало запотело, клубы пара танцуют в воздухе и, достигнув окна, струйками бегут вниз.

Никакой пены – ванная не от сладкой жизни, а по необходимости: нужно наконец прогреться.

Когда воды набирается достаточно, поворачиваю кран, и воцаряется тишина. Готова уже стянуть с себя одежду, как вдруг слышу: тук-тук-тук. Сериями по три, стучат и стучат – точно не трубы.

Звук идёт от входной двери. Тук-тук-тук, пауза, тук-тук-тук, пауза.

Пару секунд гляжу на готовую ванну – а не сделать ли вид, что дома никого нет. Наверняка местный священник пришёл справиться о моих делах, как обещал на похоронах. Или братец твой нагрянул, снова будет делиться подробностями о тебе, каких я не знаю. А больше некому. За четыре месяца, что мы здесь живём, друзей я не завела.

Тук-тук-тук, пауза, тук-тук-тук, пауза.

Кто бы это ни пришёл, уходить этот человек явно не собирается. Спустившись, вижу, что заслонка почтового ящика на двери приподнимается. По всему дому раздаётся женский голос.

– Тереза? Тереза Кларк? Вы дома? Откройте, пожалуйста!

Сердце ёкает – неужели полиция. Может, с Джейми что-то в школе? В четыре прыжка проношусь по прихожей, рывком открываю дверь.

– Что такое? – Голос дрожит, от паники будто сбивается дыхание. Однако перед собой я вижу не сотрудника полиции, а обычную на вид женщину – прямые, осветлённые волосы по плечи, тёмные брови, чёлка.

Женщина мне улыбается, а ведь с тех пор, как тебя не стало, мне никто так не улыбался – всё только с жалостью, с сочувствием. А чтобы вот так, искренне – нет. Когда тебе так улыбаются, невозможно не улыбнуться в ответ. А я не могу – лицо разучилось.

Она симпатичная. Вид у неё простоватый, земной, но добрый. Лицо бледноватое, кожа гладкая. Вряд ли сильно моложе меня, лет 35–36. Но в её зелёных глазах играет огонёк, зубы идеальной белизны. Я на её фоне – немощная старуха. Да так, собственно, и есть.

– Тереза?

– Можно просто Тесс, – говорю я, и в этот момент сильным порывом ветра дверь вырывается из рук, она отворяется настежь и с грохотом бьёт по стене. Дверь массивная, деревянная – наверняка в штукатурке теперь дыра. Хватаю ручку, тяну дверь на себя, страхую ногой, чтобы назад не пошла. А женщина, видимо, думает, что это я её приглашаю войти – иначе не понять, почему она вдруг оказывается в прихожей.

– Меня зовут Шелли Лэнг, – представляется она, снимая плащ. Под ним обнаруживаются чёрный джемпер с вырезом и джинсы-скинни. На груди у неё овальный медальон на элегантной цепочке. Тон, взгляд, улыбка – как будто она чего-то от меня ждёт, как будто мы с ней уже виделись раньше. Но я такого не помню.

Пытаюсь собраться с мыслями, но в голове белая пелена. Женщина уже скидывает ботинки, а я всё ещё без понятия, кто она вообще такая.

Она ищет взглядом что-то у меня за спиной – наверное, крючок для одежды, потому что складывает пальто пополам и кладёт на ботинки.

– У нас была намечена встреча, – заявляет она.

– Встреча?

Она смеётся, от души, заливисто. Как я раньше в Челмсфорде смеялась с нашими местными мамочками над рассказами про лопнувшие подгузники и детские истерики в супермаркете «Теско». Опускаю глаза и корябаю заусенцы у ногтей.

Узнав, что тебя не стало, эти мои мамочки мне прислали орхидею в розовом горшке. Теперь эта орхидея на подоконнике у мойки, сохнет. А жили бы мы там, где раньше, вообще бы с мамочками не расставались. Они бы нам с Джейми приносили вагоны пирожков и готовых обедов.

И на похороны тоже все пришли – и Кейси, и Джо, и Лиза с Джули. Даже Дебби отпросилась с работы. Наверняка у них есть специальный чат в Ватсапе, посвященный мне. Постоянные сообщения, встревоженные смайлики: *«Кто следующий Тесс напишет? Она кому-нибудь отвечала?»* Отвечу как-нибудь. Им хочется, наверное, услышать, что всё у нас налаживается, но что тут скажешь?

Женщина в нашей прихожей открывает сумочку – из чёрной кожи с тонким ремешком через плечо – и достаёт телефон. Маленькая у неё сумочка, наверняка в неё бы даже не влез мой кошелек, разбухший от бессмысленных чеков и просроченных карт лояльности. Я, когда выхожу на улицу, с собой беру вещевую сумку – так в неё можно две такие сумочки засунуть.

Незнакомка касается экрана телефона, и на нём появляются моё имя, адрес и сегодняшняя дата.

Пожимаю плечами.

– Имя моё, да, но встречу я не назначала. Вы кто, простите?

– Я Шелли, социальный работник. Помогаю людям, которые пережили утрату, – как в частном порядке, так и в качестве волонтера. Мне сказали, вы просили, чтобы к вам зашли.

– Мне кажется, кто-то что-то перепутал. Я ни к кому не обращалась.

– Может быть, я не то сейчас скажу, но у вас вид человека, переживающего страшное горе. Я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, но за помощью я не обращалась, – отчеканиваю я, да ещё с неожиданным раздражением в голосе. Вдруг вспоминается, как я сорвалась сегодня на Джейми из-за сменки.

Ноги ватные, хочется уже сесть, но тогда придётся пригласить эту женщину на кухню или в гостиную. Опять меня будут брать за руку, говорить, мол, всё образуется, время лечит, прочую бессмыслицу. Наслушалась уже. На похоронах – от брата с его парнем. Мама сколько раз звонила. Шла домой из школы, и то ко мне пристала с тем же какая-то незнакомая женщина. Да даже почтальон счёл нужным постучать в дверь и поделиться своими мудрыми мыслями.

Ещё бы знали, о чём говорят.

Шелли по-деловому кивает, сама уверенность.

– Хорошо, сейчас позвоню в офис, разберёмся. Позволите? – спрашивает, указывая телефоном в сторону гостиной, и твёрдым шагом направляется в комнату.

Я остаюсь, где стояла, в прихожей, слушаю рассказ о себе, состоящий из одних только реплик Шелли. Голова идёт кругом, как когда карусель останавливается и последние обороты делает уже медленно. Наконец терпеть уже нет сил. Иду, шатаясь, сесть на кухню.

Хотела бы я сказать, что уже тогда у меня по спине пробежал холодок, уже тогда было предчувствие, как это всё обернется. Но нет, не пробежал, не было.

Тесси, ты не виновата.

Легко тебе говорить, Марк.

Глава 6

– Дом у вас замечательный, – говорит Шелли мгновение спустя, направляясь через коридор на кухню и проводя рукой по балке из тёмного дуба. – Старый такой. Как будто в исторический фильм попала. Мне всегда было интересно, что за люди обитают в таких старинных домах.

Соображаю медленно, в мыслях чехарда. Эти её добрые слова – что вопрос по квантовой физике, ответа не придумывается.

– В общем, тут такое дело... Нам позвонила ваша мама. Только что общалась с коллегой, который с ней разговаривал. Она беспокоится, и, кстати, по её словам, вы были бы не против, чтобы кто-то из волонтеров вас проведаль. Но вы, очевидно, не просили. Так что вы извините, что я так нагрязнула.

Вспоминается вдруг, как моя мама слёзно со мной прощалась, когда уезжала отсюда. Я на пороге дома, онемевшая, дрожу, мама задеревеневшими пальцами пытается развернуть платок, вытереть заплаканное лицо.

Две недели стояния над душой и стуков её трости по деревянному полу – и я уже молилась о том, чтобы она поскорее уехала, чтобы села наконец в такси, терпеливо ожидавшее у дома. Джейми остался на кухне, слушал что-то там на своём стареньком айпоне, бог его знает что. Он весь ушёл в себя, не разговаривал с нами. Мне так хотелось, чтобы он перестал стесняться. Хотелось, чтобы мама уехала.

Тогда, помню, я закрывала дверь, а мама мне что-то ещё говорила. Может, она сказала, что ко мне зайдут? А я и не стала слушать.

Шелли пододвигает стул, садится напротив. Ну хоть миски я помыла. А вот хлопья не убрала – неожиданно ярко коробка сияет своей голубизной на фоне коричневой столешницы.

– Тесс, – говорит Шелли мягко, вкрадчиво, – нам необязательно говорить об этом прямо сейчас. Но вдруг поможет.

– Ну давайте сейчас, – пожимаю плечами. Уж лучше не затягивать.

– Хорошо! Как вы себя чувствуете? – спрашивает она, подаваясь вперёд.

– Нормально.

Шелли удивлённо поднимает бровь. Смотрит на меня, как встревоженная мать на ребёнка. А меня вдруг переполняет грусть. Вот бы силы были соврать, растянуть губы в улыбке, кивнуть. Вместо этого на глаза слёзы наворачиваются. Да и мне кажется, эту женщину так просто не обманешь.

– У меня день рождения сегодня, – вздыхаю.

– Да? Тесс, поздравляю вас.

– Что-то только радости маловато.

– А как ваши дела? – повторяет свой вопрос Шелли.

– Не нормально, – отвечаю я шёпотом. – Совсем не нормально.

– Ваша мать сообщила, что вы записывались к врачу, – говорит Шелли мягко. Чувствую, она подбирает слова, не хочет, видно, чтобы показалось, будто она лезет не в своё дело. Но я всё равно выхожу из себя. Что она обо мне знает? Что ей мама рассказала? Всё, уж точно. – И как прошло?

– Наверное, неплохо, – отвечаю, а в голову на смену пустоте врываются воспоминания о том, что со мной было за эти пять недель. Как я срывалась на Джейми. Как на позапрошлых выходных месячные начались, я весь день проплакала в ванной и забыла отвести Джейми к Лиаму на день рождения, где планировалось поиграть в футбол, уже давно планировалось. Или как мы часами лежали на диване, ели пиццу навынос, смотрели «Скуби-Ду», потому что ни на что другое я была не способна.

– Вам врач прописал что-нибудь? Посоветовал что-то?

Киваю. По щеке бежит одинокая слеза. В мыслях только Джейми, его хмурающееся лицо. Семилетнему мальчику если и тревожиться о чём-то, то о том, как бы друзей новых завести или выбить всех в вышибалы. А не о маме своей, вот уж точно.

Снова сосредоточенно корябаю заусенец на пальце.

– Сказал, у меня депрессия. Прописал антидепрессанты. Но вот только я... не чувствую никакой депрессии. Мне нужно было для сна что-то.

– Кошмары мучают?

Резко поднимаю глаза. Шелли уже не улыбается, но глаза горят всё так же. Как она догадалась?

– Один и тот же. Что я... в самолёте. Куда собралась, – не знаю, только самолёт не летит, он ныряет и уходит в пике. И я знаю, что разобьёмся. Дым повсюду. Серый такой, валит откуда-то, щиплет глаза, больно дышать. Из багажной полки вывалились сумки, летают по салону, я стараюсь, чтобы мне по голове не попало, хотя мы вот-вот рухнем. А потом просыпаюсь, и правда этот дым и после сна ещё чувствуется.

Мне будто не хватает воздуха. Внутри что-то поднимается, какое-то чувство. Страх, того самого ужаса, беспредельного, отчаянного, как и всякий раз по пробуждении, всякий раз, когда подумаю, что тебя больше нет.

– В тот день, когда Марка не стало, я в саду разжигала костёр, – поясняю я. – О том, что случилось, я только потом узнала, но теперь костёр и смерть мужа для меня неразделимы.

Жду, вот сейчас Шелли крепко стиснет мне руку, скажет, мол, ничего, кошмары пройдут. Но она встаёт.

– Вы не против, если я поставлю чайник? Страшно чаю захотелось.

За бурлением кипящей воды, хлопками – одна дверца ящика, вторая – Шелли ищет чашки и чайные пакетики – с трудом различаю её следующий вопрос.

– Вы хотите поговорить о случившемся?

– В прошлом месяце самолёт разбился, слышали?

– О, господи. Это когда пилот решил так покончить с собой? Слышала, конечно. Мне очень жаль. Простите, я не знала подробностей.

Во мне что-то резко шевелится, моментально обращаясь в ярость, которую я обрушиваю на Шелли, не успевая себя одёрнуть:

– Почему все говорят, мол, самоубийство? Это не самоубийство. Он убил их. – Чайник закипел. Мой голос в тишине гремит зло и громко. – Из-за этого человека у меня теперь семьи нет. На борту больше никто на себя руки не собирался накладывать. Он всех убил. Это было... массовое убийство.

– Да, убийство, – отвечает Шелли, ровным, сдержанным, по сравнению с моим, голосом. Открывает холодильник, достаёт пакет молока, а закрыв дверцу, касается пальцем фотографии Джейми. Мы сделали магнитик с его школьной фотографии, которую снимали ещё до переезда. У него такая красная униформа, волосы коротко подстрижены, кудри я утром гелем приглаживала. Шелли застывает на несколько мгновений, глядя на Джейми.

– Это ваш сын, – говорит она, как бы констатируя факт, причём даже скорее для себя.

– Да, Джейми, – киваю я и чувствую, что ярость забила обратно в свою берлогу.

Но вдруг горло будто сжимают невидимой рукой, а глаза затуманивают слёзы.

– А было бы, может, иначе? Может, легче было, если бы... у пилота просто случился сердечный приступ?

Шелли трогает меня за плечо. Ставит передо мной кружку чая.

– Вряд ли, – замечает она, садясь. – У нас был сын, Дилан. Маленькое наше чудо. Малюткой улыбался, потом так резво ползал. Мы вообще думали, футболистом станет: ещё ходить не научился, а уже всё пинал. Или пловцом – воду любил. – Шелли вздыхает, тербит медальон

на цепочке. – Когда ему было два года, у него нашли редкую форму лейкемии, в четыре года он умер. Всё это тянулось долго. Полжизни сына мы провели по больницам. Знали, к чему всё идёт, но когда Дилан умер, легче нам от того, что мы знали заранее, не стало.

– Боже, – мямлю я, невольно поднося руку ко рту. – Мне так жаль. – И снова меня гложет совесть. Гложет потому, что я чувствую: ребёнка потерять страшнее, чем мужа. Даже в таком состоянии мне это ясно. Без Джейми бы я пропала.

– Спасибо за сочувствие, – говорит Шелли. Встречаемся с ней взглядом и будто что-то проносится между нами: мы обе знаем, что такое безутешное горе. Вот почему Шелли догадалась про мои кошмары. Снятся ли они ещё ей?

– Этим летом четыре года исполнилось, – продолжает Шелли, – когда только всё случилось, мне очень много людей помогало. Сестра к нам переехала, жила с нами, всё делала. Заставляла меня с Тимом – мужем – есть, из дома выходить. И поэтому-то я и стала волонтером при благотворительной организации. Прошла курсы социальных работников. Пациентов принимаю на дому. Подумать, что мне пришлось бы через подобное пройти в одиночку, без помощи со стороны родных и близких – да я бы не пережила, наверное.

Повисает молчание. Шелли сдувает пар от горячего чая, и мне снова вспоминается тот костёр. Одна мысль про тот день – и в горле першит.

– У вас никто из родственников поблизости не живёт? – спрашивает Шелли.

– Мама живет в часе езды. На набережной в Уэстклиффе. У неё артрит, и здоровье слабое. Жила здесь со мной пару недель, но по лестницам ей трудно карабкаться. Да и я не могла... не могла о ней позаботиться, столько всего случилось. Мама каждый день почти звонит, но я не всегда отвечаю. Не знаю, как ей рассказать, что у меня в душе происходит. Она только волноваться будет. Приходится врать, а чаще просто сваливаю ответственность на автоответчик.

– А братья, сёстры есть?

– Есть брат, зовут Сэм. Живёт в Ноттингеме со своим парнем Финном. Оба врачи. Если попросить, Сэм приедет, но как я попрошу? Ему столько пришлось работать, чтобы получить там место. Да и чем бы он помог? А недалеко в Ипсвиче живёт брат Марка. Он тут сегодня заезжал ко мне...

– Это хорошо.

– Не то чтобы очень здорово. – Я кривлюсь. – Мы с ними никогда не ладили. Мне всегда казалось, что он нас с Джейми не воспринимает. У самого-то ни жены, ни ребёнка, вот и не может понять, что это вдруг Марку захотелось. Марк говорил, я беспокоюсь по пустякам. Ему всегда казалось, что я сравниваю Йена со своим братом Сэмом, а они совсем разные. А Йен потому с нами с холодной обращается, что я сама так к нему отношусь.

– Ага, ясно. От него, наверное, помощи ждать не стоит.

– Нет, наверное.

– А друзья по соседству? Или просто соседи?

– Мы здесь не так давно живём. Я не говорила? Извините, если говорила. Соседей у нас особо-то и нет. Кажется, в ближайшем доме живут какие-то старики, муж с женой. В Челмсфорде, где мы раньше жили, у меня осталось много друзей. А здесь не завела пока. Раньше, бывало, на площадке перед школой с другими мамами парой слов перекинешься, про погоду там, про школьные наши дела. А потом самолёт разбился. И я... Да просто посмотрите, какая я стала. – Жестом показываю, как одета: футболка растянулась, кофта с капюшоном какая-то изношенная, рукава протёрлись. – Вы бы стороной обходили такую, правда? А впрочем, всё равно же придётся как-то выкарабкиваться?

Шелли кивает, осторожно отпивая из кружки.

– Да, нужно. Но потихонечку, шаг за шагом. Когда умер мой сын, я днями не мылась. Просто встать из постели не могла. Одеться. Лежала сама как убитая. Сначала встаёшь. Потом одеваешься, потом умываешься, потом из холодильника берёшь молока налить.

«Да я плачу постоянно, о Джейми забываю позаботиться, а то и хуже – срываюсь на него», – думаю я, но ничего не говорю.

– Никто не ждёт, что завтра или даже через неделю станет как было, – говорит Шелли. – И самой не стоит так себя настраивать. Сейчас, на этой стадии горя, лучше каждый день делать какое-то маленькое дело, а не думать про будущее. Пусть даже распечатать письмо, которое давно откладывали.

Перевожу взгляд на кучу писем у микроволновки. Шелли, видно, тоже её заметила. Ну уж я не одно письмо отложила, а все.

– Давайте, может, переберём их потихоньку? Большинство наверняка уже макулатура. Вам станет только лучше, если они не будут глаза мозолить.

Кусаю губу, не могу решить – то ли попросить Шелли уйти, то ли эта женщина с роскошными светлыми волосами и сияющими глазами, пережившая самую страшную трагедию, которую только и можно вообразить, действительно права. Шелли же принимает мои сомнения за согласие и, пока я собираюсь с силами, чтобы её остановить, легко встаёт со стула и берёт все письма в охапку.

– Я разделю их на четыре стопки. В первую – счета, – говорит она, бросая на стол письмо с красным логотипом мобильного телефона. – Во вторую – макулатура. В третью – письма от сочувствующих. А в четвёртую – все остальные.

– Письма с сочувствиями можно сразу в мусорку, – прошу я. – Не могу смотреть на них, не хочу.

– Точно в мусорку?

Киваю.

– Только лишний раз напомнит. – Да и Джейми так будет лучше.

– Может, я лучше их отложу? Ведь потом, глядишь, и захочется почитать, и легче станет, – уговаривает меня Шелли, а потом плавно пододвигает мне пару писем.

«Да никогда от них легче не станет», – думаю я, но ничего не говорю. Сердце в груди колотится, паника бурей проносится по телу. Чего же я так боюсь открыть письмо и прочитать? По большей части наверняка ерунда какая-нибудь.

Дрожащей рукой беру первое. Белый конверт, с окошечком – в прозрачном прямоугольнике твоё имя. Смотрю, как Шелли разбирается с письмами. Кухню заполнили звуки рвущейся бумаги. Она такая уверенная – как ты. И в этом есть что-то такое, меня поддерживающее, и я нахожу смелость запустить пальцы в конверт, вытащить письмо.

Оно оказывается от дилеров – тебе напоминают забронировать прокат на новой модели «Ауди». Обычная чушь. И вдруг мне становится совершенно непонятно, почему я так долго не разбирала почту, что там скопилась такая куча.

Беру ещё конверт. Это письмо адресовано мне.

И сразу же ясно: от авиакомпании. В верхнем углу чернеет их логотип – самолёт в пике. Глаза наполняются слезами. Каждой клеточкой тела хочется просто бросить письмо и не читать. Но я не отвожу взгляд.

Уважаемая миссис Кларк!

Выражаем Вам наши искренние соболезнования в связи с трагической гибелью Вашего мужа...

Проглядываю дальше.

В соответствии с постановлением Управления гражданской авиации: «... вследствие решения второго пилота покинуть кабину, в кабине не осталось ни одного члена экипажа за исключением командира воздушного судна. Вышеизложенные обстоятельства признаются халатностью, проявленной сотрудниками настоящей компании».

В соответствии с информацией, содержащейся в бронировании, к письму прилагаются два бланка заявления о выплате компенсации.

Я невольно всхлипываю, с силой сжимаю губы, чтобы не разреветься. Да как им в голову пришло – заявление прислать. Они издеваются, что ли? Будто может эта компания мне хоть что-то компенсировать.

И тут до меня доходит. Две анкеты. Два посадочных места. Не одно, два.

Кто с тобой летел, Марк? Пытаюсь вспомнить. Ты говорил, с кем полетишь? Не знаю. Из продавцов, наверное, кто-то. А ведь у этого человека тоже наверняка родные, близкие. Тоскуют по нему, как я по тебе. Но нет, не буду об этом думать. Не хочу я думать о других погибших в тот день, обо всех этих кровавых подробностях, которые обсасывают СМИ, которыми пестрят заголовки. Нет, я сама по себе. Не хочу знать про горе других и своим ни с кем делиться не хочу.

– Тесс? – Шелли протягивает мне руку. – Вы в порядке?

Киваю, а письмо комкаю, засовываю в карман кофты.

– Я больше не могу. Простите. Надо прилечь.

– А уже всё – смотрите, – улыбается Шелли, широким жестом проводя рукой над столом. – Большая часть писем была ни о чём. Ещё попались два счёта на оплату, наверное, несрочные. Остались вот эти три. – Она подвигает их мне поближе. – В одном, похоже, банковский отчёт. Второе – от адвоката, наверное, про завещание Марка. А третье пришло из паспортного стола. Похоже, паспорт.

Засовываю письма в карман кофты.

– Я меняла паспорт незадолго до смерти мужа. Мы собирались на летние каникулы сходить Джейми в Испанию, – бормочу я.

Шелли снова сжимает мою ладонь.

– Ну а все остальные, – говорит она, беря кучу бумаги и вскрытых конвертов, – отправляются в мусорку. Вот видите, как и говорила, быстро управились. – Я только и вздыхаю удивлённо, глядя, как хлопает крышка серебристой мусорки в углу.

Шелли поворачивается ко мне спиной, тянется к сумочке. Мне кажется на секунду, что она собирается уйти. Жалко. Совсем не хочется, чтобы она уходила.

Но вместо того, чтобы направиться к двери, Шелли достаёт из сумочки коричневый дневник на спиральке, по размеру чуть больше карманного, с обложкой из толстого картона.

– Вот, держите, – пускает Шелли книжку по столу в мою сторону и идёт к своему стулу, – можно будет записи делать.

– Мне? Спасибо. Записи? – Провожу пальцами по гладкой обложке. – О чём?

Шелли встряхивает волосами, садится.

– Да о чём угодно. Некоторым дневник помогает. Я знала одного человека, он по вечерам писал письма покойной супруге. Ему так легче становилось. Но вообще дело ваше. Когда горюешь, даже простые вещи даются нелегко. Так что можно просто туда записывать, что купить или что сегодня сделать.

– Спасибо, – повторяю я.

– Не за что. Я даю такие всем, к кому прихожу от нашей благотворительной организации. – Шелли пододвигает поближе чашку горячего чая, и я беру её, чувствуя, как руки наполняет тепло.

– Может быть, поговорим о Джейми? – предлагает она.

Мои мысли в тумане, сосредоточиться трудно. Трудно подобрать слова, но я пытаюсь. Рассказываю Шелли, какой он застенчивый. Ужасно застенчивый. От малейшего стука в дверь сразу убегает к себе в комнату или в домик на дереве в саду. Даже когда у нас гостила мама, он из комнаты почти не выходил. Но если он тебя принял, к себе подпустил, он будто расцветает – становится улыбчивым любящим, озорным.

Рассказываю, как похож Джейми на тебя. Нос тот же, строение тела, и улыбка такая же неровная. Говорю, что он обычный мальчуган. В футбол поиграть, в «Плейстейшн» порезаться.

Почитать «Гарри Поттера». Рассказываю, что, когда мы его записали в местную школу, у меня были сомнения и по поводу дома, и по поводу этого посёлка, и по подругам своим я скучала, но Джейми стал потихоньку выбираться из своей этой скорлупки, и я решила, что переезд того стоил. Рассказываю, как мы по тебе скучаем.

Когда представляешь Джейми, думать становится легче. Туман рассеивается, и у меня появляется странное чувство, будто я только что проснулась. Быстро моргаю, замечаю, что на кухне воцарилась тишина, Шелли сидит напротив меня.

– Шаг за шагом, Тесс, – говорит она мне потом, идя к двери. – Не забывайте: старайтесь сделать хотя бы одно дело за день. Даже если это мелочь.

Киваю, но ничего не говорю. Снова мне стиснула горло невидимая рука, голос будто пропал. Эта женщина чувствует, что у меня в душе, как ты всегда чувствовал, и от этого мне легче. Никто меня никогда не поймёт, как ты, но Шелли понимает меня, кажется, лучше, чем остальные.

Глава 7

Йен Кларк

Что вам от меня нужно, не понимаю. Вопросы нужно Шелли задавать, а не мне. Я пытался помогать. Поймите, когда эта трагедия с самолётом случилась, Тесс стала совсем никакая. Не могла ни с чем справиться, по крайней мере поначалу. Похороны я организовывал. Даже связался с судмедэкспертом в Эссексе, чтобы получить свидетельство о смерти. Всё сделал, что она должна была. Не то чтобы это мне в тягость, нет – наоборот. Марк был моим младшим братом. Конечно, хотелось помочь. Я просто хочу сказать, что Тесс ни на что не была способна. А кто-то должен был решать вопросы.

Шелли Лэнг

Когда мы с Тесс познакомились, я сразу поняла, что её нужно вытаскивать. Надо было в конце нашей первой встречи дать телефон благотворительной организации, а я дала свой. Наверное, все из-за фото Джейми на холодильнике. Там он был точь-в-точь как мой Дилан. И тогда мне захотелось её поддержать. Я почувствовала, будто все мы связаны – я, Джейми и Тесс. Я просто хотела помочь.

Глава 8

Прощаюсь с Шелли, а она мне – «звони в любое время». Машу ей рукой, закрываю массивную дверь, прислоняюсь к ней – и тут только вспоминаю, что меня ждёт ванная.

Поворачиваю золотой кран, наполняю ванну обжигающе горячей водой. Настолько горячей, что в первые пару секунд кажется ледяной. Ноги краснеют, кожу колет. Но я всё равно ложусь и закрываю глаза.

Марк, ты тут?

Помнишь тот день, когда мы узнали, что ты ждёшь ребёнка?

Знала, что вспомнишь. Тебе всегда так нравилось Джейми про это рассказывать. Клянусь, с каждым разом я у тебя выходила всё более взбалмошной, а сам ты представлял всё более отважным.

Не буду спорить, волновалась. Мне хотелось, чтобы у нас была семья, дети, но ведь мы встречались-то только три месяца. Я тогда даже с мамой твоей ещё не познакомилась. И вместе мы не жили. Ну и прибавь к этому гормоны.

Ты сказала, что ничего не выйдет.

Так и не вышло бы. Если бы мы жили порознь. Но ведь ты нашёл нашей семье гнёздышко. Идеальный дом, три спальни, в новом районе Челмсфорда. И от станции недалеко, чтобы тебе в Лондон ездить, а для меня парк и магазины поблизости. Семей много, друзей. Джейми отвели вторую спальню, а третью оставили его братику или сестрёнке, ведь мне так хотелось завести ещё одного ребенка.

И я позвал тебя замуж, Тесси. Вот кульминация. Не замалчивай.

Ах да. Взял в охапку и потащил регистрироваться в какой-то подвал той многоэтажки в Челмсфорде. Настоящий герой! На мне было длинное белое платье из «Эйч-энд-эм». Стоим, произносим брачные клятвы, а я Джейми на руках баюкаю.

Мы Джейми тогда только-только начали от груди отучать. Помнишь, мы поцеловались впервые как муж и жена, а его стошнило чем-то жёлтым – и прямо тебе на спину.

Как здорово, что наша жизнь в браке началась с хохота. Может быть, и не так уж романтически или торжественно, но это было что-то наше, личное, и мы были счастливы. У тебя всегда получалось меня смешить. Хотя мы с тобой совсем-совсем разные. Даже когда ты приходил поздно, а я обижалась, или разбрасывал одежду по полу, или уходил куда с компьютером над своим тайным проектом поработать, вместо того, чтобы посидеть с Джейми, – всегда у тебя получалось меня рассмешить.

В голове слышится голос: «*Миссис Кларк, вы не могли бы сообщить нам, где в настоящий момент находится ваш супруг?*»

Полицейская та, Джемма Гринвуд, с каштановыми волосами, аккуратно собранными в хвостик. Джемма Гринвуд – никогда не забуду это имя. Боже, не хочу вспоминать, но уже поздно.

Я стояла у кухонного стола. Джемма Гринвуд села напротив меня, а другой полицейский, всё не могу вспомнить имя, – он стоял у раковины. У неё кожа была сероватая, как дым от того кострища, а в глазах стояли слёзы, будто это она тебя любила. Будто это у неё жизни больше нет.

«Марк? – спросила я, как будто у меня был ещё один муж. – Он во Франкфурте. У его компании, они делают программное обеспечение, там офис. Должен вернуться завтра, если он вам нужен. А что случилось?»

«К сожалению, случилось несчастье».

Поневолe открываю глаза – внезапная необходимость услышать, как капает кран, понять, что реально, что нет. Смотрю на своё тело. За месяц горевания исхудала, но ничего хорошего:

грудь отвисла почти до подмышек. Вокруг пупка появилась дряблая кожа, колыхается в воде. После твоей смерти я будто физически ополовинилась, стала словно полупустой мешок.

Поворачиваю ногой кран, сделать погорячее.

Вспоминаю про Йена и его сегодняшний визит. Шоколад этот, виноград, я ещё подумала, как мило с его стороны, а оказалось, это всё манипуляции. У него на уме только одолженные тобой деньги.

Сто тысяч фунтов. Сумма застряла где-то в голове, будто я не могу её в полной мере осмыслить, представить. Это же какие деньжищи – разве столько стоит кухня или ремонт?

Мы никогда с тобой не говорили о деньгах. Не хотелось тебе об этом говорить, Тесси. Да я бы рассказал, стоило тебе только спросить. Но ты не спрашивала.

Разве нет?

Вдруг воспоминание. Давнее, ещё когда я беременная ходила. Мы только переехали в Челмсфорд. Всё было там в новинку, даже наши отношения.

– У меня хорошие новости, – крикнул ты из прихожей.

– Какие? – отозвалась я с кухни, где помешивала чили в кастрюльке, стараясь не расплескать варево на наш белоснежный кухонный кафель.

– Меня переводят в отдел продаж, – сказал ты, подходя ко мне сзади и целуя в щёку. Помню, от тебя пахло бальзамом после бритья вперемишку с лондонской пылью.

– Продаж? – Я перестала помешивать и облокотилась о столешницу, глядя на твоё счастливое лицо и стараясь не морщиться от боли: ножка Джейми то и дело будто вкручивалась мне под ребро.

– Но ведь ты же программист. Ты же программы пишешь.

Ты рассмеялся, помню, но, как мне кажется теперь, несколько натужно. – Да ты в нашем деле специалист, – шутливо заметил ты, открывая двухстворчатый холодильник и доставая бутылку пива.

– Очень смешно. Ты ведь понял, что я хочу сказать.

– Всё отлично складывается. У меня бонус от продаж, а значит, буду больше получать...

– Если что-нибудь продашь, – заметила я. Помню, задумалась тогда: это сколько же ты об этом молчал, сколько подумывал о переходе. Я решила, что мы, наверное, ещё не научились пока друг с другом делиться важным. И только потом поняла, что это ты просто такой. Молчишь до последнего, а когда уже точно ясно, что дело сделано, – тогда можно и мне рассказать. У меня все наоборот: ещё ничего не случилось, а я уже волнуюсь из-за каждой мелочи.

– Кому же продавать программы, как не тому, кто их пишет? – заявил ты, делая мощный глоток пива прямо из бутылки.

– Ох, неужели у нас с деньгами проблемы? А я думала, что всё у нас хорошо. Ну... можно, наверное, ребёнка в детский сад, а я пойду на полный день. Если так нужно, то...

– Ну не волнуйся так, – проговорил ты и, подойдя поближе, стал поглаживать меня по животу.

– Прости. Просто мне и так не нравится про деньги говорить, а тут ещё столько поводов для беспокойства. Я так волнуюсь по поводу родов, да и, – о нас, хотела я добавить, но осеклась: не было привычки говорить ни про наши отношения, ни про то, что знаем друг друга без году неделя.

– Давай ты больше не бесись, ладно? Ты думай только о том, чтобы наша маленькая мартышка сил в тебе набиралась, а потом о месячном отдыхе в постельном режиме. Мы с тобой вопрос работы уже обсуждали. Ты в это школьное рабство больше ни ногой, договорились?

Помню, какое облегчение почувствовала в тот момент. Как хотелось прошептать, что в школу я и не собиралась возвращаться. Разве реально совмещать работу в той школе и мате-

ринство? Я преподавала историю старшеклассникам, и больше меня не хватало ни на что. Платили там, может, и получше, чем где-то ещё, но зато и школа боролась за звание лучшей. А значит, никаких тебе полставки, никаких подмен. Учебные дни тянулись долго, занимались усиленно, и при таком режиме – какой ребёнок? Да и никому из нас не хотелось отдавать Джейми в садик так рано.

– *Будешь много ездить?* – спросила я, притворяясь, что рада новостям, рада за тебя. Положила руку поверх твоей, чувствуя, как выпирает животик. С трудом борясь с наступающей паникой.

– *Может, и придётся, но нечасто, это точно. Очень удачно всё совпало. Сплошные выгоды. У нас будет частная медицинская страховка, мне дадут корпоративный автомобиль, телефон. Да и с финансовой стороны полегче станет,* – улыбнулся ты, потянув меня к себе.

– *Ну и здорово,* – кивнула я, вдыхая твой аромат, чувствуя твоё тепло. Я вообще-то не знала, что у нас всё непросто с финансами, но решила промолчать. Мне хотелось просто за тебя порадоваться.

– *Всё у нас тобой будет как надо. Волноваться тебе не о чем, Тесси,* – шепнул ты, называя меня не просто «Тесс», а «Тесси», как обычно, когда мы оставались наедине.

Воспоминание уходит, а я погружаюсь в воду поглубже.

Может, Марк, ты и прав. Действительно, не хотелось мне знать ничего лишнего. Но я бы тебя услышала. Не пришлось бы обманывать.

Но ведь я никогда тебе не врал. В голову бы не пришло.

Хорошо, уговорил. Никогда не врал. Но ты лакировал действительность, сглаживал факты и в конце концов всё представлял в том свете, в каком тебе хотелось. Может, ты думал, что я правды не вынесу? Неужели я была такой хрупкой?

Марк, скажи мне, что любил. Что правда меня любил. Скажи, что наши чувства к друг другу – это была правда.

Тесси, ну что ты такое говоришь? Любил конечно.

Глава 9

Стенограмма опроса пациента. Присутствовали: Эллиот Сэндлер (Э.С.); Тереза Кларк (Т.К.) (пациент Оклендской больницы, отделение Хартфилд)

Вторник, 10.04. Сеанс № 1 (продолжение)

Э.С. Тесс, пришли немного в себя?

Т.К. *(кивает)*.

Э.С. Очень хорошо. Сильно болит?

Т.К. Уже не то чтобы. Сестра мне дала что-то. Извините, что я так раньше. Просто... просто очень хочется скорее отыскать Джейми.

Э.С. Да, это необходимо. Мы здесь для этого – найти ответ на вопрос, что же случилось с Джейми.

Т.К. Ну почему тогда вы здесь со мной? А не допрашиваете кого-то, Шелли не ищете?

Э.С. Тесс, делается всё возможное. Но мне нужно от вас получить кое-какую информацию.

Т.К. Я как раз подумала тут, пока вы заходили, может, вам поможет.

Э.С. Так?

Т.К. Шелли вряд ли работала в одиночку. Я думаю, ей помогал Йен, брат Марка. Они сообщники, наверное.

Э.С. Почему вы так решили?

Т.К. Бывало так, что... *(Вздыхает.)* Со мной много чего случилось, Шелли в одиночку не смогла бы всё это сделать. Мне всё кажется, это из-за Джейми. Ведь из-за него же, нет? Мы поэтому тут с вами сидим. А ещё может быть, что мотив – деньги. Йен мне сказал, что одолжил Марку деньги, кучу денег, и что ему нужно их вернуть. А никто за моим телефоном не смотрит? У меня его кто-то забрал. А вдруг позвонят выкуп просить.

Э.С. Помечу себе. Уверен, этим вопросом занимаются.

Глава 10

Среда, 21 февраля – до дня рождения Джейми 46 дней

Я просыпаюсь резко. Моргаю – темнота. Сердце стучит, на секунду кажется, что это так отзывается в теле кошмарный сон. И снова слышу звуки, от которых и проснулась: на въезде к дому скрипит гравий, кто-то идёт.

Сжимаюсь от страха. Боюсь так, что понимаю: до этого ещё ничего на самом деле не боялась.

А теперь всё по-настоящему. Глухая ночь, в этом проклятом доме только я и Джейми. Мальчик мой спит в конце коридора. А в это время внизу перед домом кто-то ходит.

Делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание, пытаюсь что-то разобрать за стуком сердца в ушах.

Тесси, ну хватит тебе. Не трясись. Кошка, наверное, пробежала.

Кошка? Марк, хрень не неси! С каких это пор кошки бегают так, будто человек прошёл?

Значит, лисы дерутся. Здесь у нас, Тесси, сельская местность.

О, можешь не рассказывать. Мне только глаза открыть, чтобы сразу стало видно: это тебе не Челмсфорд. Ни рыжеватого света фонарей, ни хлопков дверцей машины, ни прохожих, направляющихся в город. Только и слышно, что гул шоссе в паре километров, да где-то неподалёку ухает сова.

Я знаю, что сельская местность. И я не ослышалась.

Прислушиваюсь снова, хочу доказать тебе свою правоту. Но вокруг полнейшая тишина.

Говорил тебе, лисы это.

Вскакиваю, без раздумий подбегаю к окну, полураздетая – в нижнем белье и твоей футболке, которая мне как платье. Тело от страха покрывается гусиной кожей, украдкой смотрю сквозь прорезь штор – готова увидеть любое движение, услышать любой звук. Но ничего, одна только тишина.

Пробираюсь по коридору посмотреть, как там Джейми. Закрутился в одеяло – только копна волос торчит, совершенно белая в голубоватом свете ночника.

Спускаюсь по лестнице, и та в ночной тиши почти оглушает своим скрипом. Проверяю входную дверь – заперта. Угловую – заперта. Боковую – тоже. В прихожей замираю: что теперь? Нет, сегодня я уже не усну, но бродить по дому пять часов я не вынесу. Иду обратно, ложусь в нашу с тобой постель. Хоть тепло будет, тоже ничего. Стараюсь прислушиваться к каждому шороху, но всё тихо. Даже ветер не шумит в каминах.

Вот, говорю же, животное это было. Олень дикий искал, чем полакомиться.

Шаги, точно шаги. Кто-то среди бела ночи ходил у нас под окнами.

В мыслях возникают тюльпаны. Без упаковки, без записки. По пути за сыном в школу выкинула букет в мусорку. Не могла даже посмотреть на него, куда уж там в вазу ставить. Да и не хотелось, чтобы Джейми увидел и стал спрашивать, от кого эти цветы.

Если не Йен принёс, то кто? Никого в посёлке я не знаю. Кто мог оставить такой букет без записки? И у боковой двери к тому же. Тёмная дубовая дверь привлекает к себе внимание – центральный элемент фасада. Но мы-то всегда выходили через боковую, небольшую белую дверь, которая ведёт на кухню и в наш укромный уголок. Кто мог про это прознать?

И кто разгуливал перед домом в ночи?

Закрываю глаза, сердце успокаивается. Олень, говоришь. Ну, пусть будет олень.

Где-то неподалёку, замерев на миг, вдруг ревёт мотор.

Резко открываю глаза, а страх с неведомой силой давит на сердце. В просвете штор мелькает белый свет – фары! Машина! Хочется вскочить, броситься к окну – рассмотреть водителя. Не получается: страх, как тяжёлая цепь, приковал к постели.

Что-то не припоминаю, Марк, чтобы олени за руль садились.

Глава 11

Четверг, 22 февраля – до дня рождения Джейми 45 дней

Сегодня утром приняла таблетку.

После того как я полночи пролежала без сна, прислушиваясь к малейшему шороху. Как накручивала себя, что кто-то вломится и заберёт Джейми. После того, как с утра за завтраком по кафелю растеклось последнее молоко, когда бутылка разбилась.

Как я наорала на Джейми за то, что он такой невнимательный, а он даже не вздрогнул от неожиданности, даже не попросил меня не ругаться. Так и смотрел на меня голубыми своими глазами, трогая языком шатающийся зубик спереди. После того, как я вернулась из школы и стала плакать. По щекам катились огромные слёзы, капали на кафель, который я вообще-то собиралась вытереть, и в конце концов я чуть ли не потонула в чувстве вины и ненависти к самой себе.

Таблетку я выпила в один миг. Так же, как ты снимал пластырь с трёхлетнего Джейми. Помнишь?

Да, снова я повёл себя как настоящий герой, Тесси. Разве такое забудешь?

Мальчишка наш на диване прыгал, да и как-то неудачно отпрыгнул. Прямо лицом об угол столика ударился. Икает и ревёт одновременно, весь в крови. Звоню тебе на работу, кричу, вся в ужасе, может, «Скорую» вызвать.

А ему, Тесси, даже швы не пришлось накладывать.

Пластырь, правда, огромный нацепить пришлось. Большущий белый прямоугольник с клейкими уголками на пол-лба. Когда надо было снимать, Джейми меня близко к себе не подпускал, весь дёргался, только скажи я ему, мол, давай попробуем потихонечку. Ты тогда положил его в ванну и сказал: «Поиграем в подводную лодку?» – и защекотал ему пятки. Джейми всё плескался и хохотал, а когда глаза закрыл – ты рывком снял пластырь. А он только плескался дальше.

Так я впервые приняла антидепрессанты. Просто выдавила одну таблетку из пластикового блистера и запила водой. Даже спросить твоего совета или задуматься над правильностью этого решения не успела. Потом приняла душ, помыла голову. Три раза шампунем промыла. Надела джинсы, бюстгальтер, куртку, кофту. Пойду в магазин, еды возьму. И не картошку фри, не рыбные палочки, не пиццу – у нас этого добра навалом в морозилке, мы на этом месяце живём. Нет, настоящую еду – лук, грибы, помидоры, фарш. Сделаю нам с Джейми болоньезе, и у нас на вечер будут спагетти, а на следующий – пенне, а что останется – из того сделаем лазанью.

Я себя беру в руки.

Умница ты моя, Тесси.

В супермаркете на окраине Колчестера полно народу. Не ожидала, что столько будет, в четверг-то с утра. На парковке удаётся найти место в третьем ряду, а тележка попадает без колеса. Ветер холодный, кусачий, но при этом мне почему-то теплее, чем за последние недели.

Миную автоматические двери, лавирую мимо выходящей пожилой пары. «Всё у меня неплохо», – думается мне. Возвращаюсь к былому ритму жизни, вот и джинсы снова надела. Всё у меня получится.

Тесси, конечно, получится.

Гляжу на бумажку в руке. Список покупок на листочке из дневника, что дала мне Шелли. Впервые он мне пригодился. Чистая разлинованная бумага – есть в ней что-то приятное. Жаль

даже на список покупок тратить, но зачем ещё мне дневник? Нет смысла писать тебе каждый вечер письма – и так с тобой в любой момент можно поговорить.

Шелли прислала сегодня эсмэску. Я была никакая – оттирала пол от молока и сомневалась, что вообще буду в состоянии дойти до магазина. В сообщении вроде и дежурные фразы: *«Тесс, привет. Это Шелли. Хотела узнать, как твои дела. Если захочешь, позвони»*. А всё же сил прибавилось: в конце сообщения Шелли поставила смайлик, и мне будто передались её уверенность и спокойствие.

И эсмэска её читается по-другому, не так, как сообщения со словами поддержки от моих челмсфордских подруг. Шелли будто бы знает, что написать и когда. Я ответила *«Спасибо»*, поставила «большой палец вверх» и прыгнула скорее за руль, пока снова не раскисла.

Из кафе неподалёку до меня доносится согревающий аромат обжаренных кофейных зёрен. Иду в отдел овощей и фруктов. «Ты справишься», – шепчу я себе.

В ряду с шоколадками впервые что-то не так. Весь ряд отдали под шоколадные пасхальные яйца. Каких только нет. До Пасхи, может, ещё несколько недель, но я себя знаю: Пасха обычно подкрадывается незаметно, а я в это время уже буду так поглощена хлопотами о дне рождения Джейми, что в конце концов за яйцами в отчаянии рванусь накануне праздника, а к тому моменту уже все лучшие разберут.

Для сына я беру не просто шоколадное, а ещё с двумя машинками и деталью игрушечной трассы оранжевого цвета внутри – как раз подойдёт к тем, что уже есть у Джейми. Себе беру с молочным шоколадом, а ещё набор яиц поменьше – вдруг Джейми и в этом году захочется, чтоб я спрятала их по всему дому, а он искал. Своим весом толкаю тележку вперёд, тянусь за твоим любимым, вафельно-шоколадным. В этом году на выбор два вида – с кружкой и без. Беру оба, думаю, какое тебе больше понравится. И только держа их в руках, понимаю, что не нужны тебе никакие пасхальные яйца. Потому что тебя больше нет.

Бросаю коробку с яйцом, словно горячую сковородку, бегу скорее в другой ряд. Здесь на полках чистящие средства, но я смотрю не на них, а на тебя: ты стоишь в другом конце, кладёшь в корзину набор чёрных пакетов. Даже сзади очевидно, что это ты. Из-под шерстяной шапки торчат кончики каштановых волос. Одежда – серые джинсы, флотская курка – незнакомая, но я бы из тысячи узнала эти движения и походку, Марк.

Знаю же, что это не ты, но всё равно окликаю тебя, когда ты скрываешься за полками. Всё равно я бегу за тобой.

Секундой спустя я уже в главном проходе между рядами, и там вдруг столько народу – мамы с детьми в колясках, покупатели, – что тебя не видно. Бегу мимо пасты, мимо кухонь мира, варений, консервов, заморозки. Одежды, электрических изделий, туалетных принадлежностей. Пробегаю кассы – нет тебя. И у меня перехватывает дыхание.

В ногах слабость. Щёки горят. Ну не ты это был, знаю же. Дрожащими руками роюсь в сумке, ищу телефон. Нужно тебе позвонить, нужно услышать твой голос. Эти шесть слов на автоответчике: «Добрый день, это Марк. Оставьте сообщение». И почему только раньше не догадалась.

Нужно услышать твой голос.

Тишина, звонок. Но вместо автоответчика отвечает чей-то голос: «Слушаю».

– Марк? – В голове ураган: ты взял трубку.

– Тесс.

– Марк... Я...

– Тесс, это Йен, – произносит он быстро, но я замечаю, как чётко он выговаривает каждый звук. Ты ещё над ним подтрунивал по этому поводу.

– Йен? Но я звонила Марку.

– Я поговорил кое с кем из отдела кадров у Марка на работе, мы договорились, что звонки будут перенаправляться мне. Вдруг кто-то позвонит, кто не знает, что Марк умер.

– Да? – Мне это и в голову не пришло сделать. Чувствую себя обделённой, хотя сама еле могу заставить себя на звонок ответить. «Марк – мой, а не твой», – хочется мне крикнуть, но я, конечно, молчу. Даже в моей голове эти слова звучат глупо и инфантильно.

– Ты мне не говорил.

– Говорил, когда мы занимались организацией похорон. Ещё была твоя мама и священник.

– Да, – повторяю я. Вспоминается наша гостиная. Поднос с чайником. Блюда, которые по настоянию мамы пришлось достать из давно позабытой коробки. Видимо, нельзя встречать священника без красивого блюда. Помню печенье на тарелке так и осталось лежать нетронутым. А вот разговора не помню. Джейми убежал играть в свой домик в саду. Я всё время простояла у окна, глядя на деревянные доски домика, на землю под деревом, боялась, что Джейми сорвётся и упадёт.

– Тесс, с тобой там всё хорошо? Зачем ты звонила Марку? – спрашивает Йен.

– Я... Мне показалось, что я его увидела. Я в супермаркет пошла. Это не он был, конечно. Но мне так захотелось услышать его голос. – Замолкаю, оглядываюсь. Вокруг меня столпились покупатели с тележками. Стоят и смотрят на меня. И работница магазина пришла. Устроила тут не пойми что своей беготнёй.

– Ты где? – спрашивает Йен. – Давай приеду, отвезу тебя домой. У тебя голос очень грустный.

У меня муж умер, и вдруг я его встречаю в магазине за покупками. Ещё бы не быть грустной. На секунду мне хочется сказать Йену, где я, чтобы он меня забрал, но он вдруг вздыхает, и при этом как-то нетерпеливо, так, что я чувствую, как к щекам приливает кровь.

– Нет... Спасибо. Всё хорошо. Просто не ожидала, что кто-то с телефона Марка ответит.

– Мне очень жаль, Тесс.

– Мне пора. – Кладу трубку, не дожидаясь, что ответит Йен, и кидаю телефон обратно в сумку.

Работница магазина отходит от группы покупателей, глядящих на меня. Идёт, очевидно, ко мне. Подходит, кладёт руку на тележку. Ей на вид под пятьдесят, тёмно-русые волосы собраны в нетугой хвостик, тональник забился в морщинки вокруг глаз.

– С вами всё хорошо?

Киваю, но по щекам потоком льются слёзы, и я даже слова сказать не могу.

– Может быть, присядете, посидите минутку, а я вам стакан воды налью?

– Нет, – качаю я головой, – лучше я просто куплю, что нужно, и пойду.

– Давайте я вам помогу. Что ещё у вас в списке? – Она распрямляет листочек, который я смяла в руках, и ведёт меня за собой по рядам, добывает нужные товары. Ни на шаг не отходит до самой парковки, где даже открывает мне дверцу машины.

– Спасибо вам огромное, – благодарю я её.

– Не за что. Обращайтесь, – кивает она, и мне в её глазах видится молчаливое понимание. Может быть, она, как Шелли, видит, что у меня на лице будто написано: «Кто-то у неё умер»? Или она тоже в жизни кого-то потеряла?

Оставшись одна в машине, снова достаю телефон, прокручиваю список контактов. Вот наконец номер Шелли. Нужно маме перезвонить, друзьям, Сэму. Но потом, а сейчас я хочу поговорить с человеком, который меня поймёт.

Шелли берёт трубку на втором гудке.

– Тесс, привет, как дела? – говорит она своим бодрым, энергичным голосом. Так и представляю её, стоящую на пороге моего дома в понедельник.

– Мне показалось, я видела Марка, – почти реву я, в какой-то момент всё-таки начиная всхлипывать.

– Ох, Тесс, – говорит она, немного помолчав.

– Я зашла в магазин, а там... Клянусь, это он был. Он скрылся из виду за стеллажами, а когда я добежала до следующего ряда, он как сквозь землю провалился.

– Со мной так тоже бывало, – утешает меня Шелли. – Мимо пробежит светловолосый мальчишка – и я пошевелиться не могу. И сейчас ещё бывает. Когда совсем этого не ожидаешь.

– У тебя было так, что ты за кем-то гонишься, цирк какой-то устраиваешь?

– Нет, не было. Но ведь Дилан умирал у меня на руках, и да, было очень тяжело, но я с сыном так вот простилась. А ты не смогла проститься. Так что с тобой естественные вещи происходят. Нет ничего странного в том, что тебе мерещатся дорогие тебе люди, которых больше нет. Ты такое пережила – было бы странно, если бы не виделась.

Киваю, вытирая рукой щеки.

– Спасибо тебе. И прости, не хотела на тебя всё это вываливать.

– Что ты, хорошо, что рассказала. И что мне подумала позвонить...

– Я поеду тогда.

– Может, потом, когда в голове всё уляжется, позвонишь и мы это всё толком обсудим?

– Позвоню, ладно. Спасибо, Шелли.

Нет, я видела не тебя. Ты умер. Прочно схватившись за эту мысль, я выезжаю с парковки и еду домой.

Вечером мы с Джейми играли в настолку, ели спагетти болоньезе под тихий шепот радио. Может, я и не вскакивала танцевать под любую попсу, как раньше, но уже что-то. А учитывая события в супермаркете, можно собой гордиться.

Когда целовала Джейми на ночь, попросила у него прощения, что наорала за разлитое молоко.

– Всё обязательно наладится.

Я сказала ему это с чувством. С искренней верой в то, что говорю.

Это Шелли меня ободрила? Даже не столько утешив – поняв. Дав мне почувствовать, что меня понимают, как раньше ты. Или дело было в Джейми? В злой вине, что срываюсь на него, а он привык и даже не замечает? Или, может быть, таблетки заработали? Всё вместе, наверное, в совокупности. А в результате мне стало легче. Не отлично, не хорошо – легче.

Конечно, я ещё не знала тогда, что толку никакого. Наступила пятница, к нам заявила Дениз с твоей работы, и что я приняла эти таблетки, что я планы настроила – всё коту под хвост. Снова я оказалась на дне отчаяния.

Глава 12

Пятница, 23 февраля – до дня рождения Джейми 44 дня

Сегодня в воздухе почудился первый отзвук весны. Ветер, веющий по полям вдоль дороги от школы, уже не так колюч, да и солнце уже не спешит садиться. Не сразу поэтому я замечаю, что на кухне воцарились сумерки, что свет сдался тени, и Джейми по ту сторону обеденного стола почти не видно. Встаю, щёлкаю выключателем, шурю от внезапно яркого света. Джейми, кажется, и не замечает, что что-то изменилось.

– Не хочешь кушать? – спрашиваю я, бросая взгляд на его тарелку.

Он отрицательно качает головой.

Я, как обычно, наготовила чересчур много пасты. Забыла, что она сильно разбухает. Мы едим-едим, а дна тарелок не видно. Потому что есть для нас теперь – значит осуществлять процесс поглощения пищи. Мы едим, чтобы не умереть. Ни у соуса, ни у фарша нет вкуса, каждый кусок щедро приправлен горем. Джейми, мне кажется, то же чувствует. Не помню, когда в последний раз он съел больше двух ложек.

– Ладно, тогда в туалет, чистить зубы и книжку на ночь, – хлопаю я в ладоши, будто всё у нас как обычно, будто кто-то в это верит.

Джейми как сидел, так и сидит, голову опустил, уставился на руки. В глазах слёзы, губы дрожат. Ему так горько, что мне почти физически больно. Как хотелось бы забрать его горе себе, закрыть его, как щитом.

– Я тоже по папе скучаю, – шепчу я.

Расскажи ему что-нибудь, Тесси.

На какое-то время задумываюсь.

– А помнишь, мы тебя в Лондон возили, на акул в аквариуме смотреть? – спрашиваю я. – Тебе было четыре годика. Летом дело было, перед тем как ты в садик пошёл. Мы с тобой покатались на железной дороге, такой день был особенный. И на двухъярусном автобусе проехали, – улыбаюсь. – Мы поднимались по лесенке, а он поехал, а ты ещё так хотел впереди сидеть, даже попросил папу, чтобы он уговорил других пассажиров поменяться местами. И мы поехали... в... – Не могу больше ни сказать, ни вспомнить: на подъезде к дому скрипит гравий. Это уже не шаги, это кто-то приехал на машине. Следом хлопает дверца, этот звук ни с чем не спутаешь.

Джейми поднимает голову, в глазах уже не слёзы, а ужас.

Как долго, Марк, мы боролись с его застенчивостью. На драмкружок этот его записали, который он терпеть не мог, чтобы поувереннее стал.

Не стал.

Но что-то у него получалось, правда? Помнишь, на Рождество перед всей школой, перед всеми другими родителями стишок прочитал? Его ещё директриса Банбридж отметила золотой звездочкой.

Как такое забудешь, ты рядом сидела, рыдала.

Я сыном гордилась, что такого? В той старой школе он бы ни за что ничего читать не стал.

А я тебе говорил, не зря переехали.

Переехали, да теперь толку-то. Джейми стал ещё застенчивее, чем раньше, а у меня сердце кровью обливается его ещё как-то дополнительно мучить.

– Давай, беги наверх, начинай читать, а я посмотрю, кто к нам пришёл.

В дверь легонько стучат, и Джейми бросается наверх. Раз – и след простыл. А я включаю свет в прихожей, тяну дверь на себя.

– Здравствуйте, – говорю я женщине на пороге дома.

– Привет, Тесс, – здоровается в ответ она. – Не знаю, помните ли вы меня. Меня зовут Дениз. Я личный помощник в отделе продаж. Я работала с Марком.

Мне кажется, я её где-то видела. И только когда она уже заходит в дом, среди бесконечной вереницы лиц на похоронах вспоминается и её лицо.

Наверху скрипит пол, в ванной зашипел кран.

– Я мимо проезжала, вот и решила заехать, провести вас, – рассказывает гостя.

– Да? Спасибо, – только и получается придумать. Закрываю дверь, с трудом улыбаюсь этой женщине в элегантном сером костюме, которая стоит теперь со мной в прихожей. – Проходите, – говорю я ей.

Дениз высокая. Она хоть и не на каблуках, а всё равно приходится ей наклонить каштановолосую голову, чтобы не удариться о выступающие деревянные балки по пути на кухню. Лицо у неё круглое, макияж густой, контурированный, но всё равно видно, что улыбаться ей нелегко.

– Вы извините, что я так без приглашения, – говорит она, уставясь на наши тарелки с ужина. Может, она, как Йен, помешана на чистоте?

– Ничего, с ужином мы уже расправились, – бормочу, убирая тарелки со стола и ставя их у раковины.

Ей, наверное, надо бы сесть предложить. Но она стоит как стояла. «Что же тебе от меня нужно?» – хочу я спросить. Не провести же правда приехала. Но как ни кручу вопрос в голове, всё равно выходит грубовато.

– Марк о вас с Джейми только и говорил, – выпаливает она. – Он сыном так... гордился.

– Да?

Гордился, Марк? Тебя же всё время так беспокоило, что и успевает Джейми не очень, и застенчивый, и рвения маловато. Мы же отчасти поэтому и переехали. Потому что школа деревенская, в классе учеников меньше. Джейми не так отвлекаться будет. *«Школа как будто частная, а платить не придётся»* – вот что ты говорил, убеждая меня переехать.

И тут вдруг я замечаю – узнаю – этот взгляд. Даже чувствую: от Дениз веет, нет, несёт осознанием собственной вины.

Дениз пришла не провести, она пришла сознаться.

Господи. А что, если это что-то ужасное про тебя, чего бы лучше мне не знать?

Тесси, прекращай.

Не могу.

Смотрю на Дениз, на её лицо – виноватое и грустное. В голове рой вопросов. Хочется спросить, зачем она пришла. Кто ещё тогда погиб. Кого из компании посадили рядом с тобой. Или что же у тебя был за таинственный проект, о котором ты мне не рассказывал. Но Дениз не даёт мне спросить.

Она открывает рот что-то сказать, но не может. В глазах у неё блещут слёзы, и от этого у меня по спине бегут мурашки.

Закрываю дверь кухни, прислоняясь спиной и всем весом давя на неё, чтобы захлопнулась. Дениз пусть говорит, что хочет, но Джейми этого слушать не будет. Я бы и сама не слушала, во мне вообще какое-то первобытное желание просто закрыть уши и кричать, кричать, пока след её не простынет. Но вместо этого я поворачиваюсь к непрошеной гостье спиной, включаю чайник.

– Может, чаю? – шёпотом предлагаю я.

Рукой тянусь к холодильнику, достать молока. Магнитик с фотографией Джейми снова отвалился, видимо, когда бутылка молока разбилась, под холодильник упал.

– Нет, Тесс, спасибо. Я ненадолго. Хотела... хотела на похоронах сказать, но момента нужного не находилось.

В горле жжёт кислотой, во рту металлический привкус. Выключаю чайник, и кухня погружается в напряжённую тишину.

– Вина мне покоя не даёт. Столько собиралась с силами взять и заехать. А сейчас припарковалась за углом, сидела целый час, думала, что скажу. Просто так получилось, что... что то мероприятие во Франкфурте отменили.

– Что?

Из её глаз текут слёзы, она не говорит, а всхлипывает, слова хочется из неё вытянуть клещами.

– В то утро пришло письмо по корпоративной почте. Половина немецкого офиса слегла с гриппом, поездка отменялась. В принципе, время сообщить ещё было, ведь основная часть сотрудников летела после обеда. Но тут я вспомнила, что Марку-то забронировали на более ранний рейс. Я ему сразу позвонила спросить, прочитал ли он письмо. Он тогда садился в самолёт, на заднем фоне спрашивали посадочный. И мне показалось, что Марк меня услышал, что не надо уже никуда лететь. Он точно засмеялся, сказал, мол, ладно. Но я с ним из дома разговаривала, чемодан собирала, связь так себе была, пропадала всё время. Мне казалось, он услышал. А потом... новости про этот рейс. Всё... моя... вина.

Гляжу в упор в водянистые глаза этой женщины на нашей кухне. Всплипания прекращаются, она, сама того не замечая, делает глубокий вдох. Если бы не она, ты бы был живой. Если бы не она, Джейми бы не остался без отца.

– Но почему, понять не могу, остальные летели другим рейсом?

Дениз качает головой, шумно выдыхает.

– И здесь это я ошиблась. Марк мне сказал забронировать рейс, а я в тот день заработалась, меня только-только повысили, зашивалась совсем. Всё забронируй-забронируй – рейс, номера. Мне казалось, я никого не забыла. Но потом настало время разослать подтверждения, и тут я поняла, что Марка-то нет. Попыталась ему забронировать рейс в обед, но там уже не было мест. А Марк и виду не подал, сказал, мол, ну и ладно, что утром полечу, шутил, что раз нас на борту не будет, то хоть долетит в тишине и покое... – Она замолкает, не закончив фразы, и продолжает спустя мгновение: – Тесс, простите меня. Если бы только я забронировала ему дневной рейс пораньше, если бы только раньше ему позвонила в понедельник, он бы не погиб.

Её слова словно повисают в воздухе, и я понимаю, что она ждёт от меня прощения. Милосердия. На секунду задумываюсь: а как она узнала про то, что самолёт разбился? Что ты был на борту? Я позвонила в офис? Не могу вспомнить. Ещё одно белое пятно вместо воспоминания. Йен, наверное. Он же все дела взял на себя.

– Что самолёт разбился, не вы виноваты, – отвечаю я. – Марку нравился франкфуртский офис. Он бы всё равно, наверное, полетел, раз уж билет куплен. – Нет, не полетел бы, но она хочет услышать именно это.

Дениз кивает. Её поза становится расслабленной, как будто мои слова сняли с её плеч самые настоящие кирпичи и поместили их на мои собственные.

– Вы не виноваты, – шепчу я. Виновата. Виновата. Виновата. Скрежещу зубами, кусаю губу. Как бы не взять назад это фальшивое прощение. – Спасибо, что рассказали. – Я провожаю Дениз до угловой двери. Она замирает, смотрит то на меня, то на тарелки, видно, что-то ещё ей надо. Чтобы сделала что-то? Или чтобы её утешила? Может, Джейми хочет увидеть? Нет уж. Сыну и так столько пришлось пережить. Да и мне тоже.

– Вот мой телефон, – говорит Дениз и вкладывает в ладонь визитку, – если нужно будет, звоните в любое время.

Киваю, открываю боковую дверь. Чувствую на щеках холодное прикосновение вечера. Свет из кухни вырисовывает силуэт окна на подъездной дорожке, но оставшуюся её часть, да и весь мир, поглотила тьма.

Дениз, склонив голову, проходит мимо. Я уже закрываю дверь, но тут она поворачивается и говорит:

– Хотела только спросить... Вам звонил кто-нибудь?

– Что? – Чувствую, что ответила резко, хотя и не хотела. Но я так устала. Да о чём вообще можно ещё разговаривать?

Она качает головой, отходит назад.

– Да нет, ничего. Не важно. Рада была повидаться, Тесс. Простите меня.

И она уходит во мрак наступающей ночи. Где-то слышится сигнал открывающейся двери.

Захлопываю дверь, пытаюсь понять, о чём же меня спросила Дениз. Звонок какой-то. О чём она? А я ведь совсем забыла спросить про вторую бронь на рейс. А впрочем, мне сейчас уже всё равно. Бог с ним, лучше думать о тебе.

Марк, милый, ты мог бы и не лететь. Ты не должен был оказаться в этом самолёте. Если бы ты только развернулся и поехал обратно домой.

Тесси, ну прекрати. Не важно уже.

Важно. Но я так устала, что спорить не хочется.

Бреду по дому, рукой веду по стене. Голова идёт медленными ленивыми кругами, от чего мутит, и сил нет совсем. Совсем.

Джейми спит лицом вниз. В углу ночник освещает комнату слабым голубоватым светом. С порога мне не видно его лица, но как-то я понимаю, что он плачет.

– Джейми, маленький, ты чего? – Сажусь рядышком на кровать.

Он поднимает голову, смотрит на меня. Даже во мраке комнаты нельзя не заметить, как испуганно он смотрит на меня своими глазками, словно стеклянными от слёз.

– Малыш, ты что, слушал, что тётя сказала?

Джейми кивает, снова опускает голову.

Меня разбирает злость. То ли на Дениз – пришла тоже, от чувства вины избавиться, – то ли на Джейми – подслушивать вздумал, – не знаю, не могу понять. Только скрежещу зубами, жду, пока отпустит и снова можно будет что-то сказать, не боясь сорваться.

Джейми же не виноват.

Ложусь в одноместную кроватку, втискиваясь между сыном и стенкой.

Ему нужно, наверное, что-то сказать, как-то утешить. Но в голове пустота: ты не должен был садиться в этот самолёт.

Говорить тяжело, слова выходят такими же неясными, как мысли.

– Мне так горько.

Тесси, ты справишься, в прошлый раз же справилась.

Нет, Марк. В прошлый раз всё было совсем по-другому. В прошлый раз мне плохо было, потому что мы бы могли Джейми родить братика, сестрёнку, и что же, не будет этого никогда? Лежала, плакала, представляла себе семью, о которой столько мечтала. Бесилась, думая, что же с нами не так и как мы вообще будем жить, если у нас не получится семьи, которая мне так нужна.

А ты не понимал меня. Ты говорил, что одного Джейми достаточно. В чём-то это и так, но в чём-то – совсем нет. Дело же не в Джейми было, а в том, что я себе представляла: вот мы поехали на несколько дней на пляж или за столом на Рождество сидим, а дети играют, смеются.

На этих мыслях я и заиклилась. Тревога съедала меня изнутри, и в конце концов ничего больше в душе не осталось. Червячок-сто тревог, вот как папа говорил. Я рассказывала? Увидит меня, скажет: «О, снова у Терезы её червячок-сто тревог поселился». А потом протянет руки, даст забраться на колени. Мне лет 6–7, я вытру лицо о рукав его рубашки и начну расска-

зывать, как боюсь, что наш дом волнами смоеет или унесёт ураганом, что мы вдруг все попадём в аварию или встретим маньяка, и ещё тысячи разных «или».

Пока росла, страхи менялись, но тревога осталась та же.

Я пыталась от тебя её скрывать, Марк. Пыталась её запрягать куда поглубже, чтобы вопросов типа «а вдруг» не задавать, чтобы голос не дрожал от страха. Но ты всё равно чувствовал, что я беспокоюсь. Поэтому, наверное, и недоговаривал – не рассказал ни про то, над чем таким секретным работаешь, ни про то, что денег занял у брата. А ещё о чём ты решил умолчать?

И вот то, что я чувствую сейчас, это не тревога, какая раньше была. Меня как будто чего-то взяли и просто лишили, словно на теле образовалась рваная рана, которая постоянно кровоточит. Да я и сейчас тревожусь, но не только.

От усталости думать становится всё тяжелее, веки слипаются. В почти полной темноте рядом с Джейми я чувствую, как снова расплзается туман, и в конце концов ничего, кроме тебя, я больше не вижу.

Глава 13

Суббота, 24 февраля – до дня рождения Джейми 43 дня

Звонит телефон. Звонит и звонит – от этого бесконечного звона приходится просыпаться, возвращаться к реальности.

Вдыхаю, разлепляю глаза. Не могу понять, где это я, и только спустя мгновение смутно припоминаю, как вчера уснула рядом с Джейми. Снова окидываю взглядом комнату: а, да, вот же и на полке фигурки черепашек-ниндзя.

Через зазоры в шторах в комнату проникает сероватый день.

– Джейми? – зову я хриплым со сна голосом. А следом уже кричу: – Джейми!

– Я в «Плейстейшн» играю, – доносится снизу.

– А времени сколько?

Ответа нет.

Ковыляю по коридору в сторону твоего импровизированного кабинета, где стоит старый стол, за которым ты мальчиком делал домашку. В доме холодрыга, и мне ужасно хочется забраться обратно под одеяло Джейми. Твой кабинет, как и весь дом, завален коробками с переезда. Стоят у стены, башнями по три штуки. А на одной покоится беспроводной телефон. Хватаю трубку.

– Слушаю?

Как трудно не закрывать глаза – будто в воздухе иголки, которые колют зрачки. Всё же поддаюсь и закрываю. И сразу меня словно уносит прочь.

– Тесс? – Голос Шелли силой возвращает меня обратно к действительности. – Тесс, слышишь меня?

– Угу.

– Я тебе всё утро звоню. Начала волноваться уже. Ты же мне так и не рассказала: что произошло в супермаркете?

Я не сразу вспоминаю, о чём она говорит.

– А сколько времени?

В трубке шумит порыв ветра. Представляю, как Шелли разговаривает по мобильному телефону, а сама куда-то спешит.

– Полпервого, – отвечает она.

– Да? – Полпервого, суббота. У нас были какие-то планы? Не помню. Чувствую укол совести, будто воздушный шарик кольнули иголкой – раз, и я уже не дрейфую от пробуждения ко сну и обратно. Я окончательно проснулась.

– Прости.

А я ведь даже завтрак не приготовила. Как могу, быстрее бегу вниз, заглядываю в гостиную. Джейми весь поглощён футбольным матчем на приставке.

Прикрывая микрофон, шепчу ему:

– Ты ел что-нибудь?

Он корчит рожу, а потом улыбается мне, кивает и снова с головой уходит в игру. И всё, снова глазки в экран. Доволен собой, это видно. То ли сам себе завтрак приготовил, то ли всё утро от приставки не отвлекался. Даже не знаю.

Но от того, что он поел, я едва ли меньше чувствую себя виноватой. Да как я всё утро проспала? А если бы Джейми выбежал на улицу? На дорогу?

– Тесс? – снова перебивает мысли голос Шелли. – С тобой всё хорошо?

– Чувствую... чувствую себя не очень. Грипп, наверное. – Ложь даже мне кажется малоубедительной. Тру рукой глаза. В теле слабость, как будто физически перенапряглась. Но что я такого делала?

– Тесс, мне-то не рассказывай. Я через это всё проходила. Расстроилась, что тебе Марк померещился? Что случилось-то?

– Вечером вчера приходила женщина с работы мужа, – шепчу я, ковывая прочь из гостиной и по коридору до кухни. – Сказала, то мероприятие во Франкфурте отменилось. То есть Марку можно было и не лететь.

Всё тело вдруг сотрясает рыдание, и я без сил опускаюсь на один из кухонных стульев.

– Ох, Тесс, это ужасно. Сочувствую. – Она секунду молчит. – Сейчас буду у тебя.

– Да ты не обязана... – Но в трубке гудки. Шелли отключилась.

Не знаю, сколько я просидела на кухне, так и не переодевшись и не убрав из раковины тарелки с засохшими остатками вчерашнего ужина. Но когда в боковую дверь постучали, ноги у меня уже онемели от холода.

– Тесс, – кричит Шелли.

– Иду, – откликаюсь я, силой поднимаясь со стула. И только когда я уже тянусь к ручке, понимаю, что Джейми я ничего не сказала. Я вообще не помню, рассказывала ли я про неё. Сын, наверное, непрошеным гостям не обрадуется, но что теперь поделаешь?

Открываю дверь, и меня обдувает холодным порывом ветра. На Шелли всё те же обтягивающие джинсы, а сверху – красный джемпер с вырезом. Вместо зимней куртки и замшевых ботинок чёрный шёлковый шарф и пара чёрных «конверсов».

– Привет. – Она улыбается так же широко, как в прошлый раз, как будто заскочила на обед или к подружке заглянула поболтать, а не пришла собирать по кусочками мою разбитую жизнь. – Выглядишь ужасно.

– Вот спасибо, – отвечаю я и то ли от того, что её энергетика заразительна, то ли благодаря её откровенности, улыбаюсь.

– Чайник поставлю? И поговорим.

– Я... – качаю головой. – Устала очень. – Из глаз, как вода из крана, который забыли до конца закрыть, текут слёзы. – Тебе необязательно было сюда приходить. Наверное, добровольцам в воскресенье тоже хочется отдохнуть.

– Я не как соцработник пришла. Я пришла как друг, друг тебе сейчас не помешает. Я понимаю, каково тебе сейчас. Так что если хочешь, может быть, пойдёшь поспишь немного или полежишь в ванне? Отдохнёшь? А поговорим потом. Я с собой привезла продукты, могу что-нибудь приготовить. Можешь на меня положиться.

Шелли выскальзывает из кроссовок, которые остаются стоять в углу рядом с обувью Джейми, проходит через кухню в дом. Я уже было иду за ней сказать, что не надо, и напомнить, что Джейми у меня очень застенчивый, но тут я слышу его голос. Иду на звук, встаю на пороге гостиной: Шелли движется по комнате, взбивает подушки, выкидывает стопки старых газет, которые невесть сколько пролежали в углу.

– Смотри, я тебе покажу, как играть... – заявляет ей Джейми. – Крестиком пас даёшь, а кружком мяч перехватываешь. – Он ей так об этом рассказывает, будто они не только что познакомились, а дружат вот уже несколько лет. Он часто стесняется, а тут – и следа робости нет. Видимо, и на него влияет её энергетика, её умение понимать без слов.

Шелли поднимает на меня глаза, улыбается.

Мне хочется к ним. Плюхнуться на диван, сидеть, слушать щебетание Джейми. Но не могу. В груди словно груз какой-то. Нужно прилечь. Нужно поспать.

– Ты точно не против, чтобы поспала ещё немного? – спрашиваю я, бесконтрольно зевая.

– У нас тут весело, – радостно откликается Джейми.

– Иди, я здесь разберусь, – доносится до меня голос Шелли в то время, как я уже бреду вверх по лестнице.

Не волнуйся. Тесс, я с тобой.

Но ведь нет тебя, Марк, нет же? Это не ты говоришь, это я говорю.

Помнишь нашу первую поездку с Джейми? В Португалию, он всё время ещё норовил песок попробовать.

Помню.

А эти официанты? Спешили к тебе, чуть не падая, так им хотелось тебе что-нибудь сказать.

Это вряд ли. Но ты рассказывай, люблю тебя слушать.

Глава 14

К реальности я возвращаюсь от смеха Джейми. В спальне царит мрак. Я смотрю на шторы и жду, когда глаза привыкнут к дневному свету. Но света уже нет. Сколько же я спала?

На столике у кровати кто-то оставил стакан с водой. Выпиваю его в один глоток. Вода с шумом проносится по пустому желудку, и, когда я встаю с постели, намереваясь спуститься вниз, меня внезапно мутит.

Джейми в гостиной совершенно один. Лежит на животе, растянувшись на коврике, дёргает ножками и пристально вглядывается в страницы книжки-загадки.

В доме горит свет, за окном темнота. Я совершенно утратила чувство времени, но, судя по припухлостям вокруг глаз, сыну пора спать. Нужно, наверное, сказать ему собираться, но это как-то нечестно – странный у него сегодня был день.

Когда я смотрю на него, сердце замирает и всю меня накрывает волной настоящей, чистой любви. Самолёт разбился, тебя не стало. Прежней жизни меня лишили, но Джейми здесь, рядом, а значит, есть жизнь. А без него меня не будет.

– Эй, – окликаю я сына с порога гостиной.

Он перестаёт дёргать ножками, смотрит на меня, качая языком зубик спереди взад-вперёд, взад-вперёд.

– Ты как? Извини, что сегодня день у нас такой никакой, – виновато говорю я.

– Ну и ничего. За мной Шелли присмотрела, – говорит он буднично и снова утыкается взглядом в книжку, пытаясь отыскать спрятанную там художником собачку.

– А делали что целый день?

– Ну... в «Плейстейшн» поиграли. Шелли крутая. Три раза меня сделала. Ещё убились, в саду в футбол играли и поесть приготовили, – перечисляет он список сегодняшних дел.

– Ты что, сам готовил? – Я оглядываюсь вокруг и замечаю, как блестят полы, чувствую жасминовый аромат средства по уходу за мебелью. С кухни доносятся и другие запахи: курица с пряностями.

Сын отвечает мне с довольной улыбкой:

– Да, я резал лук. Настоящим ножом, мне Шелли разрешила. Им куда проще, не то что тем мелким, который ты мне всё время даёшь.

– Ого, да... ну хорошо. – Ну или мне хотелось бы верить, что хорошо. Хорошо, что Джейми было весело, что он так расположился к Шелли. Плохо только, что она дала ему острый нож: я никогда не даю – боюсь, что порежется.

Хочу ещё что-то спросить, но вдруг слышу: на кухне кто-то разговаривает. Шелли с каким-то мужчиной. Что это за мужчина у меня дома? Может, полиция пришла? Ещё что-то плохое случилось?

Хватит беситься, Тесси.

Не могу я не беситься, Марк. Сердце колотится, во рту пересохло.

– Не ходи никуда из комнаты, – шепчу я Джейми.

В шесть шагов долетаю до кухни. Дверь слегка приоткрыта. Дрожащей рукойдвигаю её ещё на сантиметр, смотрю в щёлку.

Видно, как на столешнице у плиты горят три огромные свечи – я их покупала прошлой зимой, когда электричество отключили. Шелли, наверное, достала их из ящика. Но внимание привлекает не медленный танец огней, а угол дома, открытая боковая дверь.

– Вы должны понимать, что так просто дела не делаются. И я ничего не обещаю, – указывает кому-то Шелли таким напряжённым голосом, какого я ещё от неё не слышала. Телом она заслонила проход, прямо как охранник в ночном клубе, поэтому разглядеть её собеседника не получается.

– Я обещаний и не требую, – парирует мужчина.

Я узнаю его мгновенно. Йен.

Он вздыхает, и мне представляется, как он щиплет себя за переносицу.

– Я только вас прошу вот это передать Тесс. Давайте, может, я зайду...

– Вы в своём уме? Я вам что сейчас столько времени объясняла? Уходите, сейчас же.

– Хорошо, ухожу. Только передайте, пожалуйста.

– Ради бога.

Шелли с силой захлопывает дверь. Поворачивает ключ, язычок с глухим стуком входит в паз, и только тогда я снова могу вдохнуть. И я вдыхаю глубоко, дрожа, и открываю кухонную дверь.

Как тёплая волна, меня накрывает с головой прилив благодарности. Только и хочется, что обнять Шелли. Она меня сегодня как только не спасла. И Джейми тоже. И Йену не уступила. Знала, что мне этим вечером его не вынести, защитила меня, прямо как львица своего львёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.